

И. П. СЕНЧЕНКО

Российская империя, Аравия и Персидский залив

Коллекция историй

Игорь Сенченко

**Российская империя,
Аравия и Персидский
залив. Коллекция историй**

«Алетейя»

2018

УДК 94(53)
ББК 63.3(5)

Сенченко И. П.

Российская империя, Аравия и Персидский залив. Коллекция историй / И. П. Сенченко — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-17-6

Книга, предлагаемая вниманию читателя, – это документальный экскурс во времена «новой политики» Российской империи в зоне Персидского залива – «политики дела». Представленный в ней массив не публиковавшихся ранее документов из «аравийского досье» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) познакомит любознательного читателя с историей учреждения и работой русских «дипломатических постов» в Аравии, Месопотамии и Прибрежной Персии, с миссиями военной дипломатии в порты Персидского залива кораблей Военно-морского флота России. Расскажет о политико-дипломатической и торгово-коммерческой деятельности в этом районе мира Англии и Франции, России и Германии. Информирован о неизвестных и малоизвестных воспоминаниях, заметках и записках, рапортах и донесениях русских ученых и путешественников, купцов и фабрикантов, капитанов торговых и военных судов о шейхствах Аравии, их правителях и народах, обычаях и нравах. Перелистывая страницы этой книги, читатель окунется во времена турецкого владычества в Аравии и Месопотамии; побывает вместе с паломниками-мусульманами из России в Мекке и Медине, Неджефе и Кербеле; узнает много интересных фактов об истории Святых городов мусульман-суннитов и шиитов и хранящихся в них святынях.

УДК 94(53)

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-907030-17-6

© Сенченко И. П., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

К читателю	7
Предисловие	8
Часть I	13
«Око» Российской империи в Месопотамии, Аравии и Персидском заливе	13
Часть II	28
Забывтые страницы истории	28
Часть III	41
Становление морского торгового сообщения между Российской империей и портами Персидского залива	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Игорь Петрович Сенченко
Российская империя, Аравия и
Персидский залив. Коллекция историй

© И. П. Сенченко, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

*Светлой памяти дипломатов-востоковедов Российской империи
посвящается*

К читателю

«Что относится к исторически изношенным одеждам России и что к самой ее душе и телу, без которых Россия не Россия?!», – задавался вопросом в своей известной статье «Лицо России» русский философ-мыслитель Георгий Петрович Федотов. Мы должны изучать историю России, писал наш великий соотечественник, чтить ее героев, знакомиться с летописями деяний предков, вдохновляясь их подвигами.

Взгляд в историческое прошлое Отечества, исследование архивных документов, посвященных политике Российской империи в Аравии и в зоне Персидского залива, дает возможность по достоинству оценить масштабы ее замыслов и высокую для того времени этику межгосударственного общения.

Донесения и информационно-справочные материалы российских дипломатов-востоковедов свидетельствуют, что деятельность Российской империи в Аравии, Южной Месопотамии и в зоне Персидского залива была яркой и результативной. С задачей, стоявшей перед отечественными дипломатами, – добиваться того, чтобы «Государство Российское имело на Востоке высокое, подобающее ее могуществу положение и пользовалось любовью и уважением местного населения», – они справлялись достойно.

Исследование архивных документов, касающихся «новой политики» Российской империи в зоне Персидского залива в конце XIX – начале XX столетий, «политики дела», позволяет утверждать, что Российская империя в своей политико-дипломатической и торгово-коммерческой деятельности в этом районе мира имела целью открыть его рынки для русских товаров. «Политики канонерок», шантажа и угроз применения военной силы в арсенале методов и средств ее внешнеполитической деятельности не было.

Снятие документального отпечатка с политико-дипломатического и торгово-коммерческого следа Российской империи на Аравийском полуострове и в Южной Месопотамии в конце XIX – начале XX веков дает основания говорить о глубоких и искренних симпатиях русского народа к арабам Аравии, развернувшем борьбу за освобождение от ига Османской империи и обретение национальной независимости.

Предисловие

Политико-дипломатическая и торговая деятельность Российской империи в Аравии и в бассейне Персидского залива – одна из интереснейших и в то же время малоизученных страниц истории нашего государства.

Документы отечественных архивов свидетельствуют, что акцент в своих практических делах в этом районе мира Российская империя ставила на «приискании новых рынков сбыта для русских товаров» и защите интересов русских купцов и предпринимателей. Во взаимоотношениях с действовавшими там другими державами была настроена на конкуренцию и конструктивный диалог. От акций военно-силового характера, чреватых обострением межгосударственных отношений, дистанцировалась.

«Конечная цель русской политики на Востоке, – говорится в инструкции Министерства иностранных дел действительному тайному советнику Ивану Алексеевичу Зиновьеву (1835–1917), назначенному в 1897 г. главой российской дипломатической миссии в Константинополь, отвечавшему также за работу русских консульств в Басре, Багдаде и Джидде, – это величие России и, как вернейший залог оного, – сохранение мира». Главная задача Ваша – «отстаивать на Востоке достоинство, права и интересы России» (1).

В конце XIX – начале XX столетия роль и место района Персидского залива в структуре международных отношений усиливается. Он становится ареной политико-дипломатических интриг ведущих держав мира. «Нельзя игнорировать того факта, – докладывал русский консул в Багдаде Алексей Федорович Круглов (1864–1948), – что в последнее время южная часть Месопотамии и берега Персидского залива начинают уже более рельефно, чем раньше, выступать в сфере международных отношений», привлекая к себе внимание всей Европы (2). Если раньше ни одно из иностранных правительств, кроме английского, не уделяло пристального внимания Персидскому заливу и сопредельным с ним странам, то теперь «все изменилось до неузнаваемости. Точно электрический ток прошел по всей Европе, направившей свои взоры на этот теплый залив, роль которого в общегосударственной мировой политике получила уже другое значение, другой смысл ...». Для европейских стран здешние края «перестают быть простыми объектами наблюдений, становясь источником, из которого они стремятся, во что бы то ни стало, извлечь наибольшее количество выгод соответственно их государственным интересам» (3).

Усилия Англии, отмечал А. Круглов, сводились к тому, чтобы установить в этом районе мира «свой абсолютный контроль в ущерб влиянию России в Персии и Турции» (4), «пробить себе путь» в Центральную и Северную Аравию, «потеснить Порту» из Месопотамии и Аравийского полуострова и взять весь этот район в «британские клещи». Цели Германии состояли в том, чтобы «под сенью дружбы отдавшихся в ее руки турок обратить Месопотамию, а через нее и оба соседних Курдистана в доходную часть своей империи». Это – в торговом отношении, а в политическом – «создать здесь себе базу для действий против России и Англии, и, таким образом, облегчить задачу будущей борьбы с ними за этот регион» (5).

Кроме немцев и англичан, повышенное внимание к землям бассейна Персидского залива стали проявлять тогда, по наблюдениям А. Круглова, австрийцы и французы. Действуя «посредством торговых предприятий, латинских миссий и раскопочных экспедиций», они, мало-помалу, начали «входить в непосредственные сношения с местным населением», преследуя в Месопотамии и Прибрежной Аравии свои интересы, политические и торговые (6).

Все происходящее в бассейне Персидского залива, резюмировал консул, указывает на то, что здесь не за горами – острая схватка ведущих держав мира. Вступить в нее с Англией намереваются, похоже, не только французы, но, может быть, и «более грозные конкуренты – немцы, которые, конечно же, не пощадят на этом рынке противника, к какой бы национальности он не

принадлежал». И нам, русским, придется, вероятно, действовать энергично и приложить максимум усилий к тому, чтобы «быть в состоянии отстаивать право на преимущественное участие в делах южноперсидской окраины» (7).

Нельзя не видеть, подчеркивается в отчете российского консульства в Багдаде за 1893 г., что англичане, «несмотря на свое исключительное уже положение» в Южной Аравии, «не переставали в отчетный период времени стремиться к еще большему упрочению своего могущества» на Аравийском полуострове. Ближайшая цель их – это «постепенный захват» в свои руки, наряду с шейхствами Договорного Омана, и всего Аравийского побережья Персидского залива (8).

Держали они его, как следует из донесений российских дипломатов, под «неусыпным и плотным контролем». Для упрочения и расширения там своих позиций не гнушались ничем (9).

Сообщая об активных действиях Англии в Аравии и в бассейне Персидского залива, нацеленных на установление там своего «абсолютного и непререкаемого никем господства», российское консульство в Багдаде неоднократно указывало на «настоятельную необходимость» усиления «нашего наблюдения» за положением дел в зоне Персидского залива. Ставило вопрос об «умножении там наших наблюдательных постов», о «расширении русской консульской сети», и в первую очередь – об учреждении консульства в Басре (10).

«Мы совершенно лишены сведений из обширного района Персидского залива и Аравийского моря, – писал в донесении (22.02.1896) послу в Константинополе Александру Ивановичу Нелидову (1835–1910) управляющий консульством в Багдаде Виктор Федорович Машков (1858–1932), – где, похоже, ... можно ожидать крупных ... сюрпризов. Издавна уже являясь полноправными там хозяевами *de facto*, англичане не преминут, вероятно, воспользоваться удобным случаем, чтобы сделаться ими *de jure*». Чтобы не быть застигнутыми врасплох, ... «есть настоятельная необходимость иметь более или менее правильно организованный близкий надзор за этими краями» (11).

Представляется, что результативная политика Российской империи в зоне Персидского залива, говорится в одном из донесений А. Круглова, возможна лишь при наличии соответствующей программы действий, разработанной при участии российских министерств и ведомств, русского купечества, промышленных и финансовых кругов империи (12).

Такая программа была подготовлена – с акцентом на усиление авторитета и престижа Российской империи в бассейне Персидского залива и развитие там русской торговли. В целях выполнения поставленных задач предусматривалось: расширение региональной сети «русских дипломатических наблюдательных постов»; проведение Морским министерством России «акций военной дипломатии» путем организации регулярных заходов в Залив кораблей русского военного флота; а также налаживание с ключевыми портами этого района регулярного морского сообщения.

С началом XX столетия, отмечается в аналитических записках МИД Российской империи, «Императорское правительство признало необходимым начать в Персидском заливе новую политику – политику дела» (13).

Примечания

Иван Алексеевич Зиновьев (1835–1917) – известный русский дипломат-востоковед, почетный член Петербургской академии наук (с 1901 г.), действительный тайный советник (с 1906 г.), член Государственного совета (с 1909 г., а с января 1910 г. – присутствующий член), выпускник московского Лазаревского института восточных языков, уроженец Ярославля.

Начинал службу в Московском главном архиве МИД Российской империи, куда поступил в 1851 г. Выполнял функции дипломатического агента при румынском князе Кароле I; пред-

ставлял Россию в Комиссии по разграничению сфер влияния европейских держав на Дунае. Занимал должности чрезвычайного посланника и полномочного министра в Персии (с 1876), директора Азиатского департамента МИД (с 1883 г.), посла в Швеции (1891–1897) и в Османской империи (1897–1909).

Автор интересного сочинения «Россия, Англия и Персия» (СПб, 1912). Умер в феврале 1917 г. Похоронен на Красносельском кладбище Алексеевского монастыря в Москве (14).

Алексей Федорович Круглов (1864–1948) – русский дипломат-востоковед, статский советник, уроженец Санкт-Петербурга. Его отец – купец 1-ой гильдии, владелец меняльной лавки.

Окончил петербургскую классическую гимназию, а затем – Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. В чине коллежского советника 10 февраля 1890 г. вместе с супругой, Александрой Алексеевной, прибыл в Багдад, «путем через Аден и Бассору», и вступил в «отправление своих обязанностей». Исполнял должности секретаря и драгомана российского консульства в Багдаде (1890–1895). В конце 1894 г., «после пятилетнего безвыездного пребывания в Багдаде», попросился в отпуск. 28 февраля 1895 г. передал дела В. Ф. Машкову (15). С 1904 по 1908 гг. служил генеральным консулом в Алеппо, а с 1908 по 1914 гг. возглавлял российское императорское генеральное консульство в Иерусалиме (был последним консулом Российской империи в Палестине).

С 1915 г. и до Октябрьского переворота находился в Санкт-Петербурге. Из революционной России вместе с семьей выехал в Новороссийск, а оттуда, через Египет, прибыл в Иерусалим. Проживал в частном доме бывшего драгомана российского консульства Я. Н. Фараджа.

Весной 1920 г. Совет послов правительства генерала П. Н. Врангеля (1878–1928) назначил А. Ф. Круглова «заведующим русскими интересами в Палестине». В августе 1920 г. А. Ф. Круглов вместе с семьей переехал на Александровское подворье, где Управление подворьями Палестинского общества предоставило ему «гостиную и смежную комнату на 2-ом этаже, а помещение под кухню – на 1-м этаже».

В мае 1948 г., в разгар арабо-израильской войны, тяжело больной А. Ф. Круглов вместе с семьей покинул Иерусалим и через Амман отправился в Каир. Последние дни провел в Ливане, куда перебрался из Каира. Скончался 26 июля 1948 г. Был похоронен на кладбище при церкви Успения Пресвятой Богородицы в Шуэйфате, пригороде Бейрута.

Александр Иванович Нелидов (1835–1910) – русский дипломат, действительный тайный советник (с 1896 г), дворянин, уроженец села Дубровки, Смоленской губернии. Его отец – двоюродный брат знаменитой фрейлины Вареньки Нелидовой, а его сестра – мать московского губернатора Григория Кристи. Окончил Кишиневскую гимназию, факультет восточных языков и юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета.

На дипломатической службе с ноября 1855 г. Работал в русских миссиях в Греции (1856–1859), Болгарии, Мюнхене (1861–1868) и в Вене (1869). В 1872–1877 гг. состоял советником посольства Российской империи в Константинополе. Затем занимал должность посланника в Королевстве Саксонском (1879–1882), откуда был переведен управляющим посольством в Константинополе (1882). С 1883 по 1897 гг. – чрезвычайный и полномочный посол России в Турции; с 1897 по 1904 гг. – посол России в Италии; с 1904 по 1910 гг. – посол России во Франции.

Умер во Франции. Был похоронен в Санкт-Петербурге, на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Вторая жена (с 1861 г.) А.И. Нелидова, княжна Ольга Дмитриевна Хилкова, дочь статского советника, князя Д. А. Хилкова, фрейлина Ее Императорского Величества, после смерти мужа осталась жить во Франции; возглавляла Комитет русских дам в Париже. Первой женой А. И. Нелидова была Елена Николаевна Анненкова, с которой он развелся из-за ее любовной связи с министром финансов А. А. Абаза.

У Александра Ивановича Нелидова было пятеро сыновей: Александр, Дмитрий (1863–1935), Иван (1865–?), Георгий (1874–1918) и Владимир (1887–1978). Двое из них, Дмитрий Александрович Нелидов и Георгий Александрович Нелидов, служили в МИД. Дмитрий Александрович занимал пост министра-резидента в Ватикане. О Георгии Александровиче известно только то, что он родился в Константинополе (09.12.1874), и в 1894 г., закончив Пажеский Его Императорского Величества корпус, поступил на службу в МИД (с 08.09.1894) (16).

Виктор Федорович Машков (1858–1932) – уроженец Ярославской губернии, «из обер-офицерских детей». Воспитывался в Ярославской военной прогимназии; окончил курс в Тифлисском пехотном юнкерском училище по 2-му разряду (1876–1877). 13 августа произведен в унтер-офицеры. Служил в 152-м пехотном Владикавказском полку, затем – в Кубанском полку.

Именно В. Машков, поручик русской армии, младший офицер 15-го Кубанского пехотного полка, инициировал установление официальных отношений России с Абиссинией (Эфиопией). Дело было так. В 1887 г. он представил военному министру Петру Семеновичу Ванновскому (1822–1904) аналитическую записку о «положении дел в христианской Абиссинии и о полезности для России установления с ней межгосударственных связей». Предложил свои услуги по «проникновению» в эту страну «древней христианской религии» под видом частного лица, «пристроившись к партии русских поселенцев, во главе с архимандритом Паисием». Получив «Высочайшее соизволение» на командировку для «сбора точных сведений об Абиссинии, стране и народе, составе и достоинстве абиссинских вооруженных сил» (28.12.1888), отправился в Абиссинию под видом корреспондента «Нового времени». В 1893 г. опубликовал, к слову, пять интересных очерков под общим названием «В стране черных христиан». Прибыв в 1889 г. в Аддис-Абебу, через Турцию и Египет, был принят императором Менеликом II и установил с ним доверительные отношения. «Отважного *москоба*», как о нем отзывался негус, именовали при дворе Менелика II «посланцем великого белого царя христиан». Возвратился в Санкт-Петербург с письмом и подарками негуса Александру III (17).

В докладной записке МИД Александру III говорилось: «Машков завязал сношения России с Абиссинией, не причинив при этом никаких политических затруднений императорскому правительству».

Император лично выслушал доклад В. Машкова, принял из его рук письмо и дары негуса. «Ныне, – писал Менелик II, – мое царство окружено врагами нашей религии, мусульманами. Я хочу образовать царство, подобное Вашему...».

Ответ Александра III на письмо негуса доставил «специальный агент» русского царя, Виктор Федорович Машков, вторично направившийся в Абиссинию в конце 1891 г. в составе экспедиции представителей военно-морского ведомства, Министерства иностранных дел и Синода, под эгидой Русского Императорского Географического Общества. Караван *«русичей»* встречали пышно и торжественно. В списке царских подарков, доставленных В. Машковым, значились 350 винтовок Мосина.

В 1892 г., по возвращении в Санкт-Петербург и увольнению с военной службы (май 1893 г.), В. Машков был зачислен в штат МИД, в чине титулярного советника. В конце 1894 г. – командирован в Багдад, секретарем российского консульства; 26 июня 1903 г. – назначен генеральным консулом в Багдаде (проработал на этой должности семь лет).

Человек, «несомненно, выдающихся способностей», как говорится о нем в справке Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, В. Ф. Машков установил доверительные отношения с турецкими чиновниками в Месопотамии. Капитан Бензенгер, русский вице-консул, строчивший на В. Машкова доносы, называл среди «близких приятелей Машкова» генерал-губернатора Багдадского *вилаяета*. Бензенгер обвинял консула в «предвзятом к нему отношении», и, как следствие, «в третировании его приятелями Машкова» из числа турецких чиновников в крае. В одной из своих жалоб (от 22.05.1909) вице-консул указал

на причину «враждебного отношения» к нему консула и его «подозрительной сожительницы, некой Дежасской», а именно: «нежелании его жены вести знакомство с сожительницей В. Машкова, этой компрометирующей ... российское представительство особой» (18).

Из документов АВПРИ следует, что «капитан Бензенгер Высочайшим приказом от 12 апреля 1908 г. был переименован в коллежского асессора и в мае того же года приказом по МИД назначен вице-консулом в Мосул с правом проживания, по мере надобности, в Багдаде». Иными словами, был разведчиком и работал в Месопотамии под прикрытием. Именно на этом аспекте своей деятельности он и делал акцент в подаваемых им жалобах на В. Машкова, намекая на то, что как бы «приятельские отношения» В. Машкова с турками, с одной стороны, и «враждебное отношение» к нему В. Машкова – с другой, случайно не раскрыли характер его деятельности (19).

Судя по всему, капитан Бензенгер, просто-напросто, завидовал В. Машкову, его умению поддерживать доверительные отношения с турецкими властями в Месопотамии и в то же время жестко отстаивать интересы Отечества и права русскоподданных. В документах Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД прямо говорится о том, что В. Машков «отличался стойкостью по отношению к турецким властям» и «неустрасимой защитой мусульман-паломников из России от произвола турецких властей в Месопотамии».

Через Багдад, сообщал В. Машков, ежегодно проходит «от 6 до 9 тысяч наших *зуваров*» (пилигримов-шиитов). Не имея паспортов, они «сторонятся консульства», но при возникновении малейших недоразумений с местными властями «требуют у консульства защиты и покровительства». В Багдаде, как докладывал В. Машков, проживало «свыше 300 семей русскоподданных» (20).

Из документов АВПРИ следует, что в 1895 г. в Департамент личного состава МИД поступило «определение (от 30.09.1895) обер-прокурора Священного Синода по бракоразводному делу титулярного советника Виктора Федоровича Машкова с женой Екатериной Викторовной Константиновой». В личном деле В. Ф. Машкова, говорится, что «на девице Екатерине Викторовне, дочери чиновника Батумской таможенной конторы», он был женат «первым браком». В связи с разводом В. Машков ходатайствовал в 1895 г. о поступлении его сына, Евгения Машкова, во Второй Санкт-Петербургский кадетский корпус (был зачислен по достижении 10 лет) (21).

В. Ф. Машков выехал из Багдада в марте 1910 года. Дела передал Аркадию Александровичу Орлову (1868–1928). Второго марта 1910 г. А. Орлов доложил в Первый департамент МИД о «сдаче ему статским советником В. Машковым, 1 марта 1910 г., документов, казенного имущества и сумм Российского Императорского генерального консульства в Багдаде» (22).

«Генеральный консул в Багдаде, статский советник Машков, – информировал директор Первого департамента МИД начальника Департамента личного состава и хозяйственных дел (08.05.1910), – вызванный по делам службы, прибыл в Санкт-Петербург» (23).

Умер Виктор Федорович Машков в эмиграции, в Югославии, в 1932 г.

Аркадий Александрович Орлов (1868–1928) – русский дипломат-востоковед, статский советник. Службу в МИД начинал драгоманом генерального консульства в Константинополе. В 1897–1900 гг. являлся секретарем Петра Михайловича Власова (1850–1904), главы чрезвычайной русской миссии в Абиссинии. Был хорошо знаком с абиссинским первосвященником *абунной* Матеосом, посещавшим Санкт-Петербург. Первого марта 1910 г., в чине коллежского советника, принял дела у В. Ф. Машкова, сменив его на посту генерального консула в Багдаде (на основании решения МИД от 08.09.1909 г.); проработал в Ираке Арабском до 1913 г. Впоследствии занимал должности генерального консула в Тавризе (Персия, 1913–1916) и в Урге (Монголия, 1916–1919). После 1919 г. находился в эмиграции. Возглавлял русскую национальную общину в Тяньцзине (на этом посту его сменил С. А. Вержбицкий) (24).

Часть I

Российское генеральное консульство в Багдаде

«Око» Российской империи в Месопотамии, Аравии и Персидском заливе

До начала «новой политики» Российской империи в зоне Персидского залива и учреждения российских «консульских постов» в Джидде (1890), Басре (1901) и Бендер-Бушире (1901) наблюдение за положением дел в Месопотамии, Аравии и Персидском заливе вело российское генеральное консульство в Багдаде (открылось в 1880 г.), подотчетное императорскому посольству в Константинополе.

Одна из основных задач генерального консульства в Багдаде, как следует из инструкции Министерства иностранных дел от 1899 г., состояла в «содействии распространению влияния России в этой части Османской империи» и в защите там интересов русского купечества.

Российской миссии в Месопотамии предписывалось также – «ввиду полнейшего отсутствия русских агентов» в краях тамошних – «внимательно наблюдать за деятельностью англичан», притом не только в Месопотамии, но и «на юго-восточной окраине Персии», на реке Карун, в Персидском заливе и в Аравии. Ставилась задача «получать, по возможности, сведения политического и торгового характера из Бендер-Бушира; следить за ходом дел в долине Евфрата, открывающей англичанам доступ со стороны Персидского залива вглубь Азии» (1).

«Аравийский и Персидский заливы, – писал в заметках о посещении портов этого района (май 1899 г., по пути к месту службы из Одессы через Бомбей и Басру) русский генеральный консул в Багдаде, статский советник Петр Егорович Панафидин (1848-?), – могли бы ... быть названными английскими». Дело в том, поясняет дипломат, что «все порты от Мирбатской бухты [Султанат Оман] до Бахрейнского архипелага включительно находятся во власти Англии. ... По всему побережью Персии раскинулась сеть английских чиновников». Во всех сколько-нибудь значимых пунктах англичане имеют консульских агентов, почтовых и телеграфных служащих, и представителей пароходной компании «British India». Английская речь слышится там повсюду. Можно сказать, что она «приобрела себе права гражданства во всех портах Персидского залива», таким «диктатором которого ... выступает полковник Росс», английский политический резидент в Бушире. На своей канонерке он регулярно объезжает приморские города персов и арабов, «появляется, по мере надобности, то в Джаске, то на Бахрейне, то в портах Омана».

До последнего времени, замечает П. Панафидин, *бритты*, «распространившие политическое влияние Англии на весь Персидский залив, почти не встречали никакого противодействия своим замыслам». Прочно утвердившись в бассейне Персидского залива, «пошли дальше». В течение последнего десятилетия настойчиво добивались (под предлогом развития английской торговли, а на самом деле для расширения сферы своего политического влияния) возможности проникнуть внутрь турецких владений в Аравии и Месопотамии, равно как и во внутренние районы Персии (2).

«Первая роль на Персидском заливе, – отмечал русский дипломат-востоковед Александр Алексеевич Адамов (1870-?), – принадлежит англичанам». Они «стали твердой ногой» в Южной Персии и на Юго-Восточном побережье Аравии. В Джаске, который лежит «почти у входа в Персидский залив, ими возведена – под видом телеграфной станции, на земле, арендуемой у персидского правительства, – чуть ли не ... крепость, в которой еще несколько лет тому назад было расквартировано несколько сот *сипаев* [сипаи – это наемные солдаты в коло-

ниальной Индии, рекрутировавшиеся из местного населения]». Персидские губернаторы Бендер-Аббаса и в Бендер-Бушира «пляшут, можно сказать, под их дудку».

А. Адамов, как человек широко образованный, упомянул, к слову, в отчете о посещении им в 1897 г. портов Персидского залива и о Хамадане, одном из древнейших городов мира. По легенде, в нем жила библейская Эсфирь, иудейка, которая, став женой персидского царя Артаксеркса, вместе с приемным отцом своим, Мардохеем, уберегла евреев Персии от истребления (в Хамадане имеется храм Эсфири и Мардохея, а также мавзолей Ибн Сины, больше известного в России под именем Авиценна).

Обращая внимание Санкт-Петербурга на «неусыпную и неустанную деятельность» англичан по расширению и упрочению влияния Британской империи на Аравийском полуострове и «установлению ее гегемонии над всем Персидским заливом», А. Адамов высказывал мнение относительно скорого подпадания под власть Англии и Кувейта. «Недолго, по-видимому, осталось ждать того времени, – писал он, – когда британский лев наложит свою лапу ... и на область Коэйт [Кувейт]» (3). «Сыны пустыни девственность свою от английского влияния не сохранили»; и влияние это «начало пускать глубокие корни уже и в соседних с Маскатом землях», и даже в Неджде (4).

«Нелегальными английскими агентами», сообщал секретарь и драгоман российского императорского генерального консульства в Багдаде Гавриил Владимирович Овсенко (1870–1916), «прибывший к месту службы и вступивший в исправление своих обязанностей 12 июня 1898 г.», было усеяно буквально все побережье Персидского залива. «Исключительно одни только английские суда беспрепятственно крейсировали в его водах». Англо-индийские коммерсанты «забрали в свои руки почти всю торговлю края». С помощью «подкупов, богатых подарков, задабриваний и запугиваний» англичане «держали в руках» практически всех тамошних правителей (5).

Владея фактически Суэцким каналом, докладывал из Берлина (январь 1902 г.) наш посол, граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1831–1912), «Англия цепко удерживала за собой один из важнейших мировых торговых путей»; располагала военно-сторожевыми постами для его охраны. Кувейт, как «конечная станция будущей Багдадской железной дороги», и Маскат, эти два стратегических пункта на водных магистралях в Индию, идущих из Персидского залива и Красного моря, «не терялись Англией из вида ни на минуту». Маскат и Кувейт, резюмировал посол, – главные звенья в цепи политико-дипломатических, военно-силовых и коммерческих акций британцев в зоне Персидского залива (6).

«Опорными пунктами Англии на Аравийском полуострове, – говорится в отчете А. Адамова, – являются Аден, Маскат и Коэйт [Кувейт]». Аденом, «считающимся ключом не только к Йемену, но и ко всей Западной Аравии», Англия завладела в 1839 г.; и «арабские племена, населяющие береговую полосу на протяжении 270 миль к востоку от Адена, до портов Маскат и Шихр включительно, подпали под британский протекторат» (7).

Остров Перим в Красном море британцы (Английская Ост-Индская компания) захватили еще раньше, в 1799 г. Затем, на какое-то время, оставили его, а в 1857 г. он окончательно перешел к ним; и в настоящее время «сильно укреплен».

На юго-востоке Аравии британцам принадлежат острова Курия-Мурия (Джузур Хурийа Мурийа), которые «уступил им султан Маската, находящийся под протекторатом Англии с 1822 г.».

«Арабские племена на сопредельном с Маскатом “Пиратском берегу” [нынешние ОАЭ] Персидского залива связаны с Англией договором о вечном мире, подписанном их шейхами в 1853 г.».

Что касается Бахрейнского архипелага, то он, можно сказать, «фактически подконтролен Англии», и находится в сфере компетенции британского политического резидента в Персидском заливе со штаб-квартирой в Бушире (8).

Информируя о положении дел в Персидском заливе уже после открытия русского дипломатического поста в Басре, тамошний консул, действительный статский советник Сергей Владимирович Тухолка (1874–1954), отмечал, что «доминирующую роль» в делах Залива играли англичане. «Маскатский султан и шейхи “Берега пиратов” [нынешние ОАЭ], – сообщал он, – равно как и правитель Бахрейна, состоят в обязательных к ним отношениях. В Маскате, на Бахрейне и в Куэйте [Кувейте] они имеют своих политических агентов. На другом берегу Персидского залива, в Бендер-Аббасе, у них – консул, а в Бушире – генеральный консул, но с титулом политический резидент, к которому подчинены все английские агенты и все английские военные суда в Персидском заливе». Ежегодно, как следует из донесения С. Тухолки, резидент совершал «объезд агентских пунктов Англии», поддерживал сношения с шейхами, и «более покорных из них одаривал традиционными подарками от казны» (9).

Карантинные посты в Бендер-Аббасе и Линге, в Бендер-Бушире и в Мохаммере, писал С. Тухолка, формально находясь в подчинении Международного Санитарного Совета в Тегеране, на деле контролировались исключительно англичанами. Все врачи на тех постах были англичанами; и санитарные патенты выдавались ими только на английском языке.

Во всех указанных пунктах, а также в Маскате и Кувейте, в Басре и на Бахрейне, то есть на обоих берегах Персидского залива и на подступах к нему, действовали агентства английского пароходного общества «British India Steamship Company»; функционировали отделения английской почты, а в Фао, что у входа в Шатт-эль-Араб, – телеграф. Принимались «только английское золото и индийская рупия» (10). С помощью этой сети обеспечивалась, по мнению российских дипломатов, не только оперативная связь английского политического резидента с гласными и негласными британскими агентами в Персидском заливе и Прибрежной Аравии, но и велась работа по привязке торговых операций в этом районе к денежным единицам Англии.

В Лондоне опасались, что «проникновение, – как выражались англичане, – в Персидский залив Франции, Германии и России» торпедирует далеко идущие планы Англии в Аравии. «Независимость Аравии, – как высказывался в одном из своих выступлений депутат парламента Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), – всегда была основным принципом нашей восточной политики; но для нас это означало, что, будучи независимой, Аравия должна находиться вне сферы европейских политических интриг и оставаться в орбите английского влияния» (11).

С разворачиванием деятельности в Персидском заливе Франции, Германии и России там начинают разыгрываться многоходовые партии политических шахмат. Англии приходится играть сразу на нескольких досках. Для того чтобы победить именитых соперников, британцы ставят на активное вмешательство своей дипломатии и разведки в борьбу арабов Аравии с Портой.

В статье И. Яковлева «Рах Britanica и Персидский залив», опубликованной газетой «Россия» 11 января 1900 г., автор приводит выдержки из записи его беседы с французским вице-консулом в Бендер-Бушире г-ном Бриуа. «Первенствующее положение России в Персии не подлежит уже никакому сомнению», заявлял французский дипломат. Но вот что касается бассейна Персидского залива, то об утверждении себя Россией на обоих его берегах говорить пока рано. Там ей и Франции противостоит Англия, «соперник деятельный, ловкий и ревнивый», который не остановится ни перед чем, дабы сохранить свое лидерство в этом районе мира. Англия держит в своих руках «вход и выход в горлышке бутылки, называемой Персидским заливом; имеет там свои стационары; и интригует, что есть мочи». Англичане абсолютно убеждены в том, что Россия непременно, более того, со дня на день, появится в водах Персидского залива. Дело дошло до того, что прошлым летом английский резидент в Бендер-Бушире, подполковник М. Мид, чуть ли не каждый день выходил к морю, чтобы посмотреть, не пришли ли русские корабли, которые, по сведениям англичан, вот-вот должны уже показать в водах этого залива флаг Российской империи. У Англии уже наготове целая теория неоспоримости ее прав на Персидский залив. Изложена она вице-королем Индии лордом Керзоном в его книге «Пер-

сия и персидский вопрос» (издана в 1892 г.). Суть представленных в ней заявлений и утверждений лорда Керзона состоит в том, что «именно Англия очистила воды Персидского залива от арабских корсаров и сделала их доступными для торговли и безопасного судоходства. И, стало быть, Англии принадлежит главенствующая и неоспоримая никем роль в поддержании там мира и порядка» (12).

Многое для укрепления влияния и престижа Англии в бассейне Персидского залива и на его Аравийском побережье сделал, как считали российские дипломаты, полковник Росс, политический резидент Британской империи в Бендер-Бушире. Занимая этот пост более 15 лет (1876–1891), он добился полного контроля Англии над Бахрейном и обширными владениями оманского султана в Юго-Восточной Аравии. Насколько значимы были роль и место этого человека в деятельности Англии в данном районе мира, можно судить хотя бы по тому, что сами англичане называли его «некоронованным королем Персидского залива» (13).

Есть основания полагать, что именно полковнику Россу принадлежала успешно реализованная Англией на практике идея так называемого договорного захвата Британией Аравийского побережья Персидского залива. Суть ее состояла в том, чтобы, играя на межплеменных разногласиях арабов Аравии и стремлении шейхов аравийских уделов к независимости от турок, постепенно утвердиться в княжествах Прибрежной Аравии, превратив их в инструмент Британии по выдавливанию Порты с Аравийского полуострова.

Стремясь подчинить племена Аравии своему исключительному влиянию, писал в 1899 г. русский консул в Багдаде Алексей Федорович Круглов, англичане в их практических действиях делали акцент на заключение с правителями шейхств Прибрежной Аравии разного рода соглашений и договоров – с упором на трактаты о вечном мире. Шейхи племен, дорожа признанием их Англией как самостоятельных и независимых ни от кого правителей, а также обещанием помощи и поддержки в защите их владений от внешней угрозы, шли взамен этого на принятие целого ряда обязательств, дававших Англии право вмешиваться в их дела – под предлогом, скажем, борьбы с пиратством и работоторговлей. Договоры и соглашения эти, отмечал А. Круглов, как бы обосновывали «законность патрулирования английской флотилией вод вдоль Аравийского побережья залива». Предоставляли английским политическим агентам (консулам) возможность посещать, по их усмотрению, любой из пунктов в шейхствах Прибрежной Аравии. Британский резидент в Бушире «выступал в глазах и шейхов ... высшей судебной инстанцией» (15). Такие договоры были заключены Англией с шейхами «Пиратского берега» (нынешние ОАЭ) и Катара; в подчиненном Англии положении находились Маскат, Бахрейн и Кувейт. С помощью них Англии удалось создать в Прибрежной Аравии плацдарм для наступления на Центральную Аравию. Со всем основанием можно констатировать, подчеркивал А. Круглов, начавшийся переход Англии в ее деятельности в Персидском заливе от так называемой тихой дипломатии к силовому противоборству не только с Османской империей, но и с Францией, Германией и Россией.

О России в Персидском заливе, особенно на его Аравийском побережье, до того как она стала проводить там «политику дела», знали немного. «О российском флаге, сообщал в отчете о командировке в 1897 г. в порты Персидского залива титулярный советник А. Адамов, – прибрежное население понятия не имеет». Надо сказать, что и «суда других наций», не только русских, тоже «редко здесь показываются» (16).

Доминировали в Персидском заливе, рассказывал в своих увлекательных записках о путешествии в те края весной 1902 г. русский ученый Николай Васильевич Богоявленский, три государства: Персия, Турция и Англия. Последняя из них, «ничем не владея *de jure, de facto* взяла под свое покровительство ... часть Береговой Аравии от Маската до Эль-Катифа». Многим местным правителям, арабским шейхам, Англия выплачивала субсидии. Но ставила при этом условием: «с другими государствами Европы без согласования данного вопроса с Британией – не сообщаться».

Для поддержания престижа среди местного населения англичане держали в Персидском заливе «несколько военных судов». Базировались они в Маскате, Бушире и Кувейте, и «в случае надобности» являлись всюду, где нужно было поддержать интересы британского правительства (17).

Специальный отряд кораблей британского флота плотно контролировал главные морские бухты и важные в стратегическом отношении острова в Персидском заливе. В распоряжении английского консула в Багдаде, как следует из документов АВПРИ, находилась канонерка «Комета», а английского политического резидента в Бушире – канонерка «Лоуренс». На морских торговых коммуникациях в Персидском заливе несли патрульно-сторожевую службу корабли «Сфинкс» и «Помона» (18).

Помимо шести кораблей в зоне Персидского залива, четыре военных судна британского флота на постоянной основе базировались в Красном море. Суда «Мелита» и «Генет», к примеру, с экипажем по 130 человек каждое, имели на вооружении по семь орудий (19).

Говоря о роли и месте Англии в Персидском заливе, отмечал в отчете о командировке туда в 1897 г. А. Адамов, нельзя забывать, что английские канонерки, высланные, например из Маската, где базируются британские корабли, в состоянии «запереть вход в Персидский залив в любой момент», когда Англия сочтет это для себя необходимым. Надлежит помнить и о том, что «суда пароходной компании “British India Steam Navigation Company”, построенные по планам Морского министерства Великобритании, во всякое время могут быть приспособлены к военным целям» и использованы в силовых действиях Англии в Персидском заливе. «Можно сказать, – резюмирует А. Адамов, – что Персидский залив для англичан – почти тоже, что Каспийское море для России» (20).

Для реализации своих целей в зоне Персидского залива Англия использовала широко разветвленную сеть агентов, гласных и негласных. «Только штатных представительства, – согласно документам АВПРИ, – у нее насчитывалось там около двадцати» (21).

В зоне Персидского залива, докладывал (05.04.1899) консул Российской империи в Багдаде надворный советник Алексей Федорович Круглов, «целый кокон английских политических агентств, гласных и негласных. В Бушире – генеральный консул, он же политический резидент, с обширным штатом помощников; в Маскате – консул; в Шардже и Дубае, на Бахрейне и в Бендер-Аббасе, в Линге и Джаске – официальные агенты; в Мохаммере – вице-консул; в Фао, Катифе и Катаре – негласные агенты». Та же картина и в Месопотамии: «генеральный консул (он же резидент) – в Багдаде; вице-консул – в Мосуле; официальные агенты – в Неджефе и Кербеле; негласные агенты – в Мандали, Эль-Амаре и Насирии [Насирийи]» (22).

Англичане, замечает А. Круглов, «в клещах держат всю политическую жизнь в Персидском заливе» (23). Мы же почти совершенно лишены возможности следить за тем, что делается, а тем более за тем, что подготавливается на южном побережье Персии, в Южной и Юго-Восточной Аравии, «довольствуясь, несмотря на всю важность там происходящего, сведениями по большей части характера случайного» (24).

«У нас на всем пространстве от Константинополя до Тегерана и от Бомбея до Эрзерума только один наблюдательный пункт – Багдад. При таких условиях быстрота осведомления и точность сведений, естественно, не всегда могут быть достигнуты. Одним словом, должной системы сбора сведений нет. ... Надо учредить дополнительный наблюдательный пост, в Басоре, с назначением в этот пункт русского официального агента в звании вице-консула» (25).

Помимо «штатных политических агентов» Англии, работавших в землях зоны Персидского залива, сообщал А. Адамов, в местах, где не было официальных представителей Британии, действовали «безобидные на первый взгляд английские телеграфисты». В том же Джаске или в Фао, например. Они внимательно наблюдали за происходившими там событиями. То же самое можно сказать, писал дипломат, и об агентах английских торговых домов (Линча и Хоца). И это – без учета «бесчисленного множества агентов» из местного населения, «рассе-

янных по всем уголкам» обоих побережий Персидского залива. Они точно и своевременно информировали английского политического резидента о действиях в крае персидских и турецких властей, а также о положении дел в шейхствах Прибрежной Аравии. У российского же генерального консульства в Багдаде, единственного в то время дипломатического поста в этом обширном районе мира, не было даже, говорится в отчете А. Адамова, «агентов в таких важных пунктах, как Бендер-Бушир и Мохаммера» (26).

«Радикальное изменение положения вещей», с точки зрения осведомленности России о положении дел в зоне Персидского залива, считали А. Круглов и А. Адамов, могло бы быть достигнуто только при условии открытия в Бушире и Басре русских консульских учреждений «того или иного ранга» (27).

В целях быстрого и позитивного решения данного вопроса конкретно с турецкими властями А. Адамов полагал возможным и даже нужным использовать «бригадного генерала турецкой кавалерии, племянника известного Шамиля, Мухаммеда-пашу Дагестанского [Дагестани], состоявшего некогда при конвое императора Александра II». Влияние в Багдадском *пашальке* он, по словам А. Адамова, имел весомое. Чувства к России сохранил самые теплые. Принимал его в Багдаде (1897) радушно; а при прощании устроил даже «торжественные проводы» (28)

Своевременно получая от русских консульств в бассейне Персидского залива сведения о подготавливаемых англичанами тех или иных акциях, отмечал в своих донесениях статский советник Виктор Федорович Машков, служивший тогда секретарем генерального консульства в Багдаде, мы имели бы возможность их парировать. Предлагал рассмотреть вопрос о регулярных заходах в порты Персидского залива и Аравийского моря кораблей Военно-морского флота России, следовавших на Дальний Восток или возвращавшихся оттуда. Таким «сравнительно несложным и недорогим путем», подчеркивал В. Машков, «политическая монополия» англичан в бассейне Персидского залива «была бы поколеблена». Появление в водах Персидского залива русского флага подорвало бы «чрезмерное преклонение прибрежного населения перед Англией». «Пусть на каждые десять английских матросов, высаженных на берег, мы высадим только одного, – писал он, – и единоличному хозяйничанью здесь англичан уже не будет места» (29).

Англичане, как следует из донесений российских дипломатов, пользовались любой возможностью, чтобы расширить и укрепить свое присутствие в бассейне Персидского залива.

Так, «случаи разбойных нападений на английские коммерческие суда, занимавшиеся закупкой фиников по берегам Шатт-эль-Араба, – докладывал А. Ф. Круглов (29.06.1898), – подали английскому генеральному консулу в Багдаде повод предупредить местного *мушира* [маршала, командующего турецкими войсками] о неизбежности появления британских военных судов в Бассоре для защиты интересов английских подданных». Грабежи торговцев финиками, замечает А. Круглов, «случались каждый год». Но в данном конкретном случае центральное английское правительство, деятельность которого стала принимать в Персидском заливе «решительный характер», отнеслось к делу «весьма серьезно». Лондон даже поставил перед Константинополем вопрос об «уступке Англии участка земли» в Фао – «для возведения здания консульства».

В случае удовлетворения данного требования, делится своими соображениями А. Круглов, надо полагать, что «англичане не замедлят командировать в Фао одно или два военных судна. ...И тогда английское консульство, подкрепленное присутствием канонерок, сделается их обсервационным пунктом на севере Персидского залива», прямо у входа в Шатт-эль-Араб. И когда потребуется, англичане будут «иметь возможность запереть в названной реке турецкую флотилию, стоящую в Бассоре, ... и воспрепятствовать отправке турецких войск в любой из контролируемых османами прибрежных аравийских пунктов Персидского залива для подавления смут» (30).

Как стало известно, сообщил в донесении министру иностранных дел Российской империи графу Михаилу Николаевичу Муравьеву (1845–1900) русский посол в Турции Иван Алексеевич Зиновьев (18.07.1899), генерал-губернатор Багдада информировал Константинополь о том, что «собранные им сведения подтверждают существование тайного соглашения между Англией и Персией, направленного против интересов Турции». По словам генерал-губернатора, происки англичан «в свете мятежных настроений некоторых арабских племен и неудовлетворительного состояния турецких военных сил в этом крае, могут привести к весьма серьезным последствиям». Турки убеждены, резюмировал И. Зиновьев, что англичане вынашивают далеко идущие замыслы, состоящие в том, чтобы «не только окончательно утвердиться в Египте, но и завладеть также Йеменом, Хиджазом и Священными городами, Меккой и Мединой, дабы лишить султана его верховенства в исламском мире» (31).

«Англичане смотрят на этот край, как на свою собственность, – говорится в одном из донесений А. Круглова (май 1898 г.), – подготавливаясь к его занятию, когда наступит благоприятный момент раздела, считая подобный раздел как бы решенным вопросом. И приходится удивляться лишь тому, каким образом все эти, ... оставленные на защиту провидения, кусочки арабско-персидского побережья Залива, не захвачены англичанами окончательно, когда стоит лишь протянуть руку, чтобы взять их» (32).

В последнее время, информировал посла в Константинополе российский консул в Басре А. Адамов (16.09.1902), англичанекратно усилили свою деятельность в крае. Британские военные суда регулярно посещают «турецкие и персидские порты, расположенные по берегам Шатт-эль-Араба». Можно определенно «утверждать, что присутствие английских канонерок на бассорском рейде стало почти обычным явлением». Свое «бесцеремонное хозяйничанье на Шатт-эль-Арабе» англичане оправдывают тем, что «воды этой реки, якобы, далеко не спокойны»; и вследствие бездействия Турции по установлению здесь «правильного полицейского надзора и обеспечению прибывающим сюда иностранным парусникам полную безопасность Англия принуждена собственными военными судами охранять свою торговлю и оберегать от нападений пиратов корабли своих индийскоподданных». Стремления и усилия англичан до очевидности «направлены к тому, чтобы установить и в здешних водах тот же порядок вещей, какой им удалось создать на Персидском заливе». Только за период с июня по октябрь 1902 г., доносил А. Адамов (14.11.1902), и только английские канонерки, базирующиеся в Персидском заливе (“Sphinx”, “Lawrence”, “Redbreast”, “Lapwing”), «посетили Бассору 14 раз; каждое судно стояло в порту в среднем не менее недели» (32*)

С самого начала своей деятельности, рассказывают документы АВПРИ, русское генеральное консульство в Багдаде вынуждено было сосредоточить основное внимание на вопросе «поступательного продвижения Англии на Бассору и берега Персидского залива как на самом существенном элементе военно-политической обстановки в этом районе» (33).

Для меня «ясно как день», писал В. Машков, занявший пост генерального консула в Багдаде, что Англия решила завладеть долиной Тигра и Евфрата, а также всем Аравийским побережьем Персидского залива. Проживающие в Багдаде англичане, «как гражданские, так и принадлежащие к офицерским сферам, не скрывают своего глубокого убеждения, что, рано или поздно, эти намерения их правительства осуществляются». Они смотрят и на Месопотамию, и на Аравию как на «свое наследие». И, похоже, что для осуществления этих далеко идущих замыслов, для реализации «страстно подготавливаемого Англией раздела территориальных владений Турции в Аравии и Ираке Арабском», Лондон ожидает лишь первой удобной возможности, как-то: «большой европейской войны» (34).

Англия, докладывал (11.03.1899) надворный советник Алексей Федорович Круглов, внимательно наблюдает за всем происходящим в районе Персидского залива. Недавнее появление британского военного судна «Эклипс» с адмиралом Дугласом у побережья Аравии имело целью напомнить арабам Залива о силе королевского флота. Судя по всему, очень тревожит

англичан факт проникновения в Персидский залив русского капитала. Политическому резиденту в Бушире, взятому на борт «Эклипса» приказано было «тщательно исследовать дело о пребывании в Куэйте [Кувейте] русских купцов, о приезде коих англичанам тотчас же донес их секретный агент, г-н Бэкли, телеграфист в Фао» (35).

«Прибывающие сюда чиновники англо-индийской службы, – подчеркивал А. Круглов, – все, без исключения, русофобы». Напуганные действиями русских, особенно со стороны сухопутной границы Индии, «они во все глаза смотрят за всяким шагом иностранца, а тем более русского, видя за каждым из них полки русской армии», уже надвигающиеся на их колониальные владения в Индии и в Персидском заливе. «Я имел возможность, – продолжает он, – лично испытать на себе это, с позволения сказать, “удовольствие”, когда во время пребывания в Карачи за мной неотступно следовали четыре секретных агента». Записывали все, что мной покупалось. Снимали копии со всех моих телеграмм, несмотря на то, что «я и не скрывал своего звания». Появление любого иностранца в зоне Персидского залива, а тем более русского, сейчас же, по словам, А. Круглова, преподносилось англо-индийской прессой как «признак интриг, плетущихся против Англии» (36).

В донесении генерального консула Российской империи в Бомбее Василия (Вильгельма) Оскаровича фон Клемма (1861–1938) от 23 августа 1902 г. сообщается об «озлобленном тоне против России», которым буквально «дышали» в то время «все англо-индийские суждения о действиях и намерениях русских в Азии» (37).

В одной из последующих своих депеш В. фон Клемм в качестве примера такого «озлобленного тона» англичан приводит выдержку из статьи, опубликованной в газете «The Times of India» от 4 сентября 1902 года. «Как только Россия утвердится в Персидском заливе, – говорится в ней, – и обе державы, Англия и Россия, станут ... там лицом к лицу, чувство небезопасности ... нашей в Индии немедленно усилится. ... Россия не преминет воспользоваться своим новым положением в Персидском заливе для давления на Англию. ... Даже теперь, когда Россия находится за сотни миль от границ Индии, ей стоит только передвинуть несколько сот солдат по Закаспийской железной дороге, чтобы вся Индия встрепенулась» (38).

Нельзя не видеть, отмечается в годовом отчете российского генерального консульства в Багдаде за 1893 г., что англичане, «несмотря на свое и без того уже исключительное положение» в Южной Аравии, «не переставали в отчетный период времени стремиться к еще большему упрочению своего могущества». Смысл их действий – «постепенный захват в свои руки всего Оманского побережья». Цель их деятельности для всех уже настолько очевидна, что «побудила пребывающего здесь французского представителя... возобновить в 1893 г. ходатайство перед своим правительством о необходимости учреждения в Маскате французского агентства, а также об ... установлении в Персидском заливе рейсов какой-либо французской компании, чтобы создать там этим хоть какой-то противовес англичанам» (39).

«Я уже имел честь довести до сведения Императорского посольства, – писал в 1896 г. наш генеральный консул в Багдаде российскому послу в Константинополе, – о замеченных в последнее время настойчиво-агрессивных действиях англичан в Персидском заливе» (40). Цель этих действий – превратить Персидский залив в «английское закрытое озеро».

«Намерения англичан завладеть Месопотамией, и особенно ее житницей, Багдадским вилайетом, – делится своими наблюдениями и соображениями в известном уже читателю отчете о командировке в 1897 г. в порты Персидского залива А. Адамов, – не подлежат никакому сомнению. Данный вопрос представляется важным для России, так как с переходом Ирака Арабского в руки англичан под их контролем окажутся Неджеф и Кербела, Священные места для мусульман шиитского толка, которыми богато наше Закавказье», со всеми вытекающими из этого возможностями для англичан в плане оказания на них соответствующего влияния (41).

Деятельность генерального консульства Российской империи в Багдаде трактовалась англичанами не иначе как разведывательно-диверсионная, сориентированная, целиком и полностью, на подрыв влияния Британской империи в Персидском заливе и умаление ее престижа в Месопотамии.

Под таким углом зрения, как следует из донесения А. Ф. Круглова (29.06.1898), англичане рассматривали посещение Персидского залива, Аравии и Месопотамии всеми русским путешественниками, учеными и даже предпринимателями и купцами. В 1892 г., например, в Багдаде по пути в Северную Аравию останавливался барон Нольде. Тамошний английский генеральный консул, полковник Моклер, доносил о поездке русского барона, как о разведывательной, имевшей, дескать, целью сбор сведений для разработки русскими, при участии их миссии в Джидде, плана конкретных действий в Неджде (42).

Пытаясь не допустить укрепления позиций России в Персидском заливе, Англия, по выражению российских дипломатов, «не гнушалась ничем»; распространяла «заведомо неверную информацию» о намерениях Санкт-Петербурга в этом районе мира. «С некоторых пор, – докладывал А. Круглов (12. 08.1897), – здесь стали, более чем когда-либо, распространяться слухи о том, что по Персидскому заливу, то и дело, снуют русские шпионы; что русское правительство посылает туда целый флот; назначило консула в Маскат и намерено захватить Бендер-Аббас и Куэйт [Кувейт]. Слухи эти усиленно подогреваются английской прессой и английскими агентами, имеющими, очевидно, целью, во что бы то ни стало, навязать общественному мнению мысль об опасности, грозящей Персидскому заливу со стороны стремящейся сюда России» (43).

В том, что касалось деятельности России в Персидском заливе, отмечал Алексей Федорович Круглов, англичане «всячески сгущали краски». В целях распространения ложных слухов использовали даже служебные поездки русского консула в Исфахане, действительного тайного советника, князя Аристида Михайловича Дабижа (1852–?) по своему консульскому округу, включая Бушир и Мохаммеру. Английское политическое агентство в Басре пыталось, было, пустить слух, что путешествующее по краю важное лицо, князь Дабижа, есть «не более как русский шпион», который будет задержан в Мохаммере (44).

«Англо-индийские агенты на юге Персии и в Багдадском *пашалыке*, – говорится в одном из донесений А. Круглова за август 1899 г., – усиленно распространяют ... слухи о неких агрессивных замыслах русских в отношении Персидского залива», всячески стараются очернить Россию. Так, они пытались внушить коренному населению, что беспорядки, происходившие в Бендер-Бушире вследствие предпринятых там властями карантинных мер против чумы, «стеснительных для края», были инициированы, дескать, все теми же русскими, конкретно консулом России в Исфахане. Цель всех этих акций – «возбудить недоверие к политике России» (45).

На «крючки антирусской пропаганды *бриттов*», как свидетельствуют документы АВПРИ, попадались не только персы и арабы, но и дипломаты-профессионалы крупных европейских держав. Подтверждением тому – донесение в Париж посланника французской миссии в Тегеране г-на Сугарта (от 18 января 1900 г.), содержащее, в частности, «испеченную» англичанами «информацию» о «переброске с Кавказа к границам Афганистана 60-тысячного русского экспедиционного корпуса». При этом посланник ссылался на «заслуживающий внимания источник» – главу афганского представительства в Константинополе, что придавало такой, с позволения сказать, «информации» повышенное звучание (46).

Неплохо сработал и запущенный англичанами слух о якобы имевшем место «зондировании Россией вопроса об аренде Бендер-Аббаса, сроком на 25 лет». На него клюнули практически все дипломаты, аккредитованные в то время в странах зоны Персидского залива и в Санкт-Петербурге (47).

Путешествовавший недавно по Индии с научной целью коллежский асессор Николай Васильевич Богоявленский, сообщал российский генеральный консул в Бомбее статский совет-

ник фон Клемм (05.09.1902), рассказывал, что «за ним всюду, буквально по пятам», следовали агенты индийской полиции; следили за каждым его шагом. Стоило ему сойти на какой-нибудь станции, как тотчас же к нему «подходил какой-нибудь субъект, спрашивал и записывал его фамилию; и допытывался, зачем и почему он приехал». Во время пребывания в Бомбее, если, случалось, он с кем-нибудь заговорит, то приглядывавший за ним сыщик непременно интересовался потом у того же лица, «о чем говорил с ним приехавший *сааб* [господин]». Похоже, замечает, фон Клемм, что «традиционный страх перед русскими» у англичан в Индии не только не притутился, напротив, – окреп.

Представляется, что муссированию слухов о неких тайных помыслах России в отношении Персидского залива способствовала и сама российская пресса. Горячо ратуя за активизацию деятельности Российской империи в Персии, она «настойчиво», как можно понять из архивных документов, высказывалась за необходимость для России «пробиться к Персидскому заливу и открыть выход в Индийский океан», давая тем самым обильную пищу для разговоров и всякого рода домыслов относительно «прыжка русских» в Персидский залив (48).

Иностранная пресса, информировали Санкт-Петербург русские дипломаты, «считая все эти сообщения за полуофициальные, искренне или неискренне, но приписывала подаваемые в них рассуждения самому Императорскому правительству», заставляя общественное мнение своих стран обратить на них серьезное внимание. «Дисциплинированные англо-индийские листки», к примеру, как по команде, разворачивали вслед за такими публикациями целенаправленные шумные пропагандистские кампании. Запугивая общественное мнение Англии страшными завоевательными планами России, намерением захватить Бендер-Аббас, они давали тем самым мотивированный предлог своему правительству для разворачивания действий, направленных против деятельности России в Персидском заливе» (49).

Встревоженные активизацией деятельности России в бассейне Персидского залива, англичане стали проявлять повышенное внимание к действиям и акциям, нацеленным на демонстрацию местному населению величия, богатства и мощи Британской империи.

Английский консул, полковник Моклер, докладывал русский генеральный консул в Багдаде, «по-видимому, крайне озабочен тем престижем, которое приобрело здесь Императорское генеральное консульство». И поэтому «старается произвести впечатление на местное население различными театральными эффектами, долженствующими напомнить арабам о могуществе Англии, ее исключительном положении в Персидском заливе ... Английский стационар “Комета” без всякой надобности слишком уж часто прогуливается под парами по Тигру» (50).

Англичанами, писал российский дипломат, учитывалась «любая мелочь», способная повлиять на их престиж среди местного населения. Вопрос о поддержании должного имиджа Британской империи как «владычицы Персидского залива» – один из главных в деятельности ее дипломатических представительств в этом крае. Борьба за завоевание и привлечение на свою сторону симпатий арабов Аравии и Месопотамии ведется *бриттами* целенаправленно и напористо.

Английское консульство в Багдаде, указывал в отчете о командировке в 1897 г. в порты Персидского залива титулярный советник А. Адамов, «обставлено блистательно. Помимо 12 *кавасов* [стражей-привратников], при консульстве состоит конвой из 25 *сипаев*». Надо сказать, что все это производит должный эффект, и играет на повышение престижа Англии (51).

В АВПРИ хранятся два интересных документа, связанных с деятельностью Аркадия Александровича Орлова, возглавившего в 1910 г. генеральное консульство Российской империи в Багдаде. Один из них сжато и емко отражает цели и задачи российской дипломатии в Месопотамии в начале XX столетия, а другой содержит в себе заслуживающие внимания сведения о самом Багдадском вилайете тех лет. Речь идет об инструкции посла в Константинополе коллежскому советнику А. А. Орлову, командированному на работу в Багдад, и о составленном им «Административно-статистическом обозрении Багдадского вилайета».

«Считаю необходимым, – говорится в инструкции посла, – снабдить Вас некоторыми указаниями, коими Вы имеете руководствоваться в Вашей будущей деятельности в крае, политическое и экономическое значение которого привлекает к себе самое пристальное внимание».

Прежде всего, «на Вас лежит забота о защите интересов русскоподданных, имеющих в крае оседлость, а равно и тех, которые пребывают там временно, каковыми являются преимущественно паломники-шииты и разного рода торговцы».

Охрана прав и интересов купцов и предпринимателей, «и вообще содействие русской торговле во вверенном Вашему управлению консульском округе, – подчеркивалось в инструкции, – должна составлять предмет Вашего особого попечения».

Внимательно «надлежит следить за всем, что происходит на турецко-персидской границе».

Прибыв на место, следует выяснить:

– «какие последствия для нашего хлебного экспорта» имела бы реализация «проекта инженера Виллкокса (Willcocks) по обводнению пустынь и осушению болот в Месопотамии»;
– возможна ли «широкая миграция в Месопотамию евреев ... и массовое их поселение в долине Евфрата»;

– насколько сильна среди местного населения «национальная арабская идея»;

– «что происходит в спорной турецко-персидской зоне».

Из инструкции следует, что, осуществляя «наблюдение за дислокацией турецких войск в Месопотамии и их военными экспедициями в Турецкой Аравии», А. Орлов мог использовать в своих донесениях сведения «офицера русского Генерального штаба г-на Бензенгера, который действовал в Мосуле в гражданском чине», под прикрытием вице-консула.

Большое внимание уделено в инструкции указанию по выстраиванию отношений с «пребывающим в Багдадском консульском округе (Кербеле и Неджефе) высшим шиитским руководством». Путем «пропаганды в среде многочисленных шиитских паломников, – отмечал посол, – шиитское духовенство может оказывать сильное влияние на настроение умов и в нашем Закавказье». Поэтому «Вам надлежит войти в непосредственные и дружественные сношения с главнейшими *муджтахидами* [авторитетными мусульманскими законооведами] в целях своевременного и обстоятельного разъяснения ... этим лицам тех вопросов, которые могут у них возникнуть по поводу тех или иных распоряжений русской администрации на Кавказе».

Что касается «области русских торгово-промышленных интересов, – указывалось в инструкции, – то Вам следует иметь в виду, что усилия Императорского правительства, направленные к развитию нашего вывоза в Месопотамию, Южную Персию и Прибрежную Аравию, уже увенчались некоторым успехом ... Отдельные статьи такового (керосин, сахар, стекло) завоевали себе прочное положение на местных рынках».

Для внесения конкретных предложений, подчеркивалось в инструкции, «Вам надлежит лично ознакомиться с краем путем возможно частых объездов важнейших его пунктов».

Турецкое правительство, информировал А. Орлова посол в Константинополе, назначило на должность генерал-губернатора Багдадского вилайета генерал-лейтенанта Назима-пашу. Он, к сведению, «находился в составе чрезвычайного посольства, отправленного султаном в Ливадию минувшей [1909 г.] осенью для приветствий Императорских Величеств, где удостоился ... милостивого внимания Государя Императора и пожалован был одним из высших русских орденов». Все это, как представляется, резюмировал посол, «даст Вам возможность поставить Ваши отношения с генерал-губернатором на исключительно благоприятную для русских интересов почву» (52).

Заслуживают внимания исследователей-востоковедов и сведения, содержащиеся в «Административно-статистическом обзоре Багдадского вилайета», составленном (05.04.1910) коллежским асессором Аркадием Александровичем Орловым.

«Багдадский вилайет, – рассказывает А. Орлов, – образовывавший когда-то одну из величайших провинций Турции и простиравшийся от Диярбакыра [неофициальная столица Турецкого Курдистана, расположена на реке Тигр] до Йемена и от персидской границы до пустыни Сахра-эш-Шамие, выделил из себя сначала, в 1868 г., Мосульский вилайет». Он состоит из *санджаков* Мосул, Шехризор (иначе Киркук) и Сулеймания [Сулеймания]. Затем, в 1894 г., на ряде отделенных от Багдадского вилайета территорий был образован Бассорский вилайет, в который вошли *санджаки* Бассора, Неджд, Мунтафик и Амара. Ныне Багдадский вилайет включает в себя три санджака: Багдад, Кербела и Дивания [Дивания]. «В сторону Аравийской пустыни этот вилайет с другими административными округами Турции точно не разграничен».

Всего «оседлого населения в вилайете 858 000 человек», в том числе 785 500 мусульман; «из них суннитов – 309 000, и шиитов – 485 500».

Согласно данным, приводимым А. Орловым, в 1910 г. в Багдадском вилайете проживало «7 000 христиан; из них – 50 греков-православных; 800 – европейцев и 53 500 – евреев».

Город Багдад, центр вилайета, пишет А. Орлов, расположен на обоих берегах Тигра; основан в 762 г., халифом ал-Мансуром. «Имеет около 200 тысяч жителей». Из них «22 % – евреи, 2 % – халдеи и 2 % – армяне григорианского вероисповедания».

Административная и военная власть вилайета – в руках Назима-паши, являющегося *валием* (генерал-губернатором) и командующим VI-м корпусом.

Годовой торговый оборот вилайета – 22 млн. рублей, «из коих на ввоз приходится около 15 млн., а на вывоз – 7 млн.».

В вилайете в то время насчитывалось «66 мусульманских учебных заведений; значительное число еврейских *хедеров* [религиозных начальных школ]; 4 читальни; 7 типографий; 14 книжных магазинов; 145 мечетей; 33 *тиорбе* [гробниц-мавзолеев и усыпальниц], 8 церквей и 24 синагоги».

В Багдаде было «250 *ханов* [постоялых дворов] и 28 бань; 280 кофеен и 52 чайных; 35 кондитерских и 22 хлебопекарни; 22 аптеки; 116 мельниц и 200 ткацких мастерских; 2 мыльных и 16 гончарных заводов».

Казу Ханекин (Ханакин), что «в 159 километрах к северу от Багдада», А. Орлов характеризует «главным пунктом прохода шиитских паломников из Персии и с Кавказа». *Казу Неджеф*, что «в 150 километрах к югу от Багдада и в 5 километрах от Куфа», описывает как «место паломничества шиитов к могилам имама Али ибн Аби Талиба и дочерей имама Хасана»; как «местопребывание первостепенных *муджтахидов* [авторитетных мусульманских законоведов]». Сообщает, что в городе Неджеф с 4 тысячами жителей имелось «2 школы, 8 мечетей, 10 кофеен и 15 чайных».

Еще одним Священным для мусульман-шиитов местом называет *санджак* Кербелу, что в «80 километрах на юго-запад от Багдада». Именуется оно «местом поклонения третьему шиитскому имаму Хусейну и его детям, Али Акбару и Али Асгару, и другим шиитским святым».

Количество пилигримов-шиитов, прибывавших в Месопотамию в сезон паломничества, составляло, по сведениям, приводимым А. Орловым, «до 150 тысяч человек» (53).

Работа российской дипломатической миссии в Багдаде, отслеживавшей положение дел в Аравии, требовала от ее сотрудников знания арабского языка. Поэтому российский посол в Константинополе в своем обращении (17.01.1910) к министру иностранных дел, Сергею Дмитриевичу Сазонову (1860–1927), ставил вопрос «о назначении секретарем генерального консульства в Багдаде – на место надворного советника Ивана Михайловича Якиманского (1880–193??), покинувшего Багдад по состоянию здоровья, – коллежского асессора Михаила Михайловича Попова, хорошо знающего арабский язык» (54).

Примечания

Петр Егорович Панафидин (1848–?) – русский дипломат-востоковед; статский советник. Служил консулом Российской империи в Багдаде, Исфахане (с 18.02.1897), Мешхеде (Хорасане, 1898–1903) и генеральным консулом в Константинополе (1903–1910).

Гавриил Владимирович Овсенко (1870–1916) – русский дипломат, титулярный советник. «Г. Овсенко, причисленный к Азиатскому департаменту МИД и назначенный на должность секретаря и драгомана Российского Императорского консульства в Багдаде, – говорится в документах АВПРИ, – прибыл к месту службы 12 июня 1898 г. и вступил в отправление своих обязанностей» (55).

«Циркуляром от 16.03.1901 г. Г. Овсенко был назначен секретарем» открывшегося в Бушире генерального консульства, куда «выбыл из Багдада в августе 1901 г.». С 10.11.1911 по 21.05.1913 гг. был консулом в Исфахане, затем – консулом в Реште (Персия), где и умер (56).

Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1831–1912) – российский дипломат, граф, уроженец Чернигова, представитель известного остзейского дворянского рода, пожалованного графским достоинством Российской империи, действительный тайный советник (с 1896 г.).

Окончил Ришельевский лицей в Одессе. Поступив в МИД (1852), служил при дипломатической канцелярии наместника Царства Польского и чиновником особых поручений при главнокомандующем армией во время Крымской войны 1853–1856 гг. Занимал разные должности в российских миссиях в Гааге, Мадриде, Швейцарии, Турине, Мюнхене и Дармштадте. С марта 1895 г. и до конца жизни, по май 1912 г. (скончался в Монте-Карло), – чрезвычайный и полномочный посол в Берлине.

Был женат на княгине Марии Ильиничне Голицыной, дочери князя И. А. Долгорукова и вдове тайного советника, посла в Испании князя М. А. Голицына.

Владел богатыми имениями в Херсонской и Владимирской губерниях (57).

Сергей Владимирович Тухолка (1874–1954) – русский дипломат-востоковед, уроженец Владимирской губернии, действительный статский советник.

Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Служил в российских дипломатических миссиях в Константинополе и Джидде (с 19 апреля по конец ноября 1901 г.), Дамаске и Багдаде, Призрене (Сербия), в Косовской Митровице, Скопье, Басре и Варне.

В личном деле С. В. Тухолки, хранящемся в АВПРИ, содержатся следующие сведения о последних годах его службы в МИД. В конце февраля 1914 г. статский советник С. Тухолка «был командирован в Императорское посольство в Константинополе для занятия должности первого драгомана посольства, обязанности какого исполнял с 1 марта по 18 октября 1914 г., то есть до выезда посольства из Константинополя по случаю начала войны с Турцией».

В августе 1916 г. рассматривался вопрос о «возложении на С. Тухолку обязанности начальника Отдела печати МИД вместо отъезжавшего в заграничную командировку Орлова».

В феврале 1917 г. С. Тухолка был командирован «чиновником МИД при штабе командующего Черноморским флотом (23.02.1917)». В телеграмме вице-адмирала Александра Васильевича Колчака (05.02.1917), командующего Черноморским флотом, говорится: «Усердно прошу о назначении состоящим при мне представителем МИД статского советника Тухолку, в высшей степени полезного и опытного сотрудника по решению вопросов, возникающих на Черноморском театре».

С 1920 г. С. Тухолка жил в эмиграции; сначала – в Константинополе, где, будучи представителем при Лиге Наций, занимался защитой интересов русских эмигрантов; затем – в Париже (с 1922 г.). Скончался во Франции; был похоронен на кладбище Пантен, в пригороде Парижа (58).

Михаил Николаевич Муравьев (1845–1900) – министр иностранных дел Российской империи (1897–1900). Окончил Гейдельбергский университет. Служил в российских миссиях в Берлине, Париже и Копенгагене. Будучи министром иностранных дел, занимался организацией Гаагской мирной конференции (1899). Похоронен в Санкт-Петербурге (в церкви Григория Богослова).

Василий (Вильгельм) Оскарович фон Клемм (1860–1938) – российский дипломат-востоковед, уроженец Санкт-Петербурга. Окончил Лазаревский институт восточных языков (1885) и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. Служил секретарем и драгоманом Политического агентства в Бухаре. Состоял в должности чиновника МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области генерал-лейтенанте А. Н. Куропаткине. Первым возглавил российское генеральное консульство в Бомбее (1900), чем, как следует из документов АВПРИ, весьма «опечалил» вице-короля Индии лорда Керзона, яркого русофоба и апологета британской политики в Азии. В обращении к госсекретарю по делам Индии лорду Гамильтону лорд Керзон писал, что русский консул фон Клемм ему хорошо известен по делам в Центральной Азии, что послан он в Бомбей неслучайно, не только ради целей коммерческих, и что «приглядывать за ним в Индии будут зорко».

После Бомбея, где проработал шесть лет (1900–1906), В. фон Клемм руководил российской миссией в Мешхеде (1906–1908). По возвращении в Санкт-Петербург (1908) состоял чиновником для особых поручений при министре иностранных дел. Перед 1-ой мировой войной возглавил 3-й (Среднеазиатский) отдел МИД.

После революции 1917 г. был представителем адмирала Александра Васильевича Колчака (1874–1920) во Владивостоке (до образования Дальневосточной республики). Затем эмигрировал в Китай, откуда перебрался в Берлин, где и умер (59).

Инициировал создание Общества русских ориенталистов и стал его председателем.

Аристид Михайлович Дабижа (1852–?) – российский дипломат-востоковед, князь. Служил консулом (1897–1903) и генеральным консулом (1903–1908) в Исфахане. Затем возглавлял генеральное консульство в Мешхеде (1913–1915), где, по его приказу, расстреляли мятежников, выступивших против шаха и укрывшихся в мавзолее имама Резы (60).

Дабижа – знатный молдавский княжеский род, происходящий из Константинополя. Евстратий Дабижа был князем-государем Молдавско-Валахского государства (1662–1665). В 1812 г., когда Восточная Молдова отошла к России и стала Бессарабской областью, род Дабижа переселился в Херсонскую губернию.

Александр Алексеевич Адамов (1870–?) – русский дипломат-востоковед. Родился 19 мая 1870 г. в Санкт-Петербурге; «веро исповедания православного; крещен 12 июня 1870 г.». Отец – Алексей Александрович Адамов, надворный советник, заслуженный преподаватель (математики и физики) Ларинской гимназии (Санкт-Петербург), секретарь Педагогического совета гимназии, выпускник Санкт-Петербургского университета, «из обер-офицерских детей». Мать – Мария Александровна.

В дипломе Александра Алексеевича Адамова указано, что он «выслушал полный курс наук по Арабско-Персидско-Турецко-Татарскому отделению факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. Показал успехи по арабскому, персидскому и османскому языкам», по истории и литературе этих стран. «Удостоен диплома 1-ой степени (31 августа 1891 г.)». Продолжил обучение на Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1892–1894), по окончании которого, «указом Его Императорского Величества от 2 декабря 1894 г., произведен в чин коллежского секретаря с причислением к Азиатскому департаменту МИД». 25 декабря 1894 г. «приведен к присяге». Дал подписку, гласившую: «Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким масонским ломам и другим тайным обществам, под какими бы ... названиями они существовали, не

принадлежу и принадлежать не буду. Причисленный к Азиатскому департаменту МИД Александр Алексеевич Адамов» (61).

Служил в Месопотамии (консулом в Басре и Багдаде) и в Персии (консулом в Кермане). Автор ряда интереснейших работ (опубликованы в Сборнике консульских донесений) об истории, культуре, этнографии и торговле Ирака Арабского, Верхней Аравии и Персии.

Иван Михайлович Якиманский (1880–193?) – русский дипломат, надворный советник, сын консула Российской империи в Алеппо (Сирия), Михаила Якиманского. Обучался в гимназии Карла Мая (1892–1894) и в Императорском училище правоведения, по окончании которого (1901) поступил в МИД. Служил секретарем генерального консульства в Багдаде (о дальнейших местах службы неизвестно). Умер в эмиграции, в Афинах (62).

Михаил Михайлович Попов — русский дипломат, титулярный советник, выпускник Лазаревского института (1903). Будучи причисленным к МИД служил секретарем консульства в Багдаде (1903–1904), управляющим консульством в Басре (1904–1905), секретарем генерального консульства в Урге (1905–1906, 1913) и консульства в Харбине (1907–1912).

Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927) – русский дипломат, министр иностранных дел Российской империи (1910–1916), дворянин, гофмейстер, член Государственного совета (с 04.09.1910), уроженец Рязанской губернии.

После окончания Александровского лицея поступил на службу в МИД. Работал 2-м секретарем посольства в Лондоне (с 1890 г.); секретарем русской миссии при Ватикане (1894–1904); советником посольства в Лондоне (1904–1906); министром-резидентом при папе римском (1906); посланником в США (с 1907 г.). В сентябре 1910 г. стал управляющим МИД, а в ноябре того же года – министром иностранных дел (1 августа 1914 г. принимал от германского посла ноту об объявлении войны). В январе 1917 г. был назначен послом в Великобританию, но выехать к месту службы из-за февральских событий в России не успел.

После октябрьского переворота принимал активное участие в Белом движении. В 1918 г. входил в состав Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России А. И. Деникине; в 1919 г. состоял министром иностранных дел Всероссийского правительства А. В. Колчака и А. И. Деникина. Был членом Русского политического совещания, которое, по замыслу лидеров Белого движения, должно было представлять интересы России на Парижской мирной конференции.

Автор интересных «Воспоминаний» (1927) о годах службы на посту министра иностранных дел.

Женой С. Д. Сазонова была Анна Борисовна Нейдгарт, сестра супруги П. А. Столыпина. Скончался С. Д. Сазонов в Ницце; похоронен на русском кладбище (63).

Валериан Всеволодович Жадовский (1836–1916) – русский дипломат, тайный советник. После окончания Императорского Александровского лицея поступил на службу в Азиатский департамент МИД (1857). Работал помощником секретаря, а затем младшим секретарем российской миссии в Константинополе (1859–1869). В 1869 г. был переведен на должность старшего секретаря русской миссии в Лиссабоне. Управлял генеральным консульством в Корфу (с 1875 г.); занимал должность советника посольства в Константинополе (с 1889 г.). Впоследствии служил послом в Сербии (1897–1899), Португалии (1899–1902) и в Швейцарии (1902–1906).

В 1906 г. вышел в отставку. Скончался в Риме (14.04.1916); похоронен на кладбище Тестааччо (64).

Часть II

«Новая политика» Российской империи в Персидском заливе – «Политика дела»

Забывшие страницы истории

Заметное место среди русских открывателей-исследователей Аравии и разработчиков формата «политики дела» Российской империи в зоне Персидского залива принадлежит Сергею Николаевичу Сыромятникову (1864–1933).

В 1900 г. в рамках «наступательной политики России в Азии», докладывал в Лондон генеральный консул Англии в Санкт-Петербурге г-н Мичел, в Персидский залив, по приказу Великого князя Александра Михайловича, командировали г-на Сыромятникова. Цель миссии – «изучение торговли в тамошних портах».

Личностью С. Н. Сыромятников был неординарной. Оставил заметный след в российской истории как востоковед, публицист и писатель. Во время командировки в Персидский залив (июль-сентябрь 1900 г.), наделавшей много шума в Лондоне, С. Н. Сыромятников побывал в Месопотамии и Прибрежной Аравии. Посетил Багдад и Басру, Мохаммеру и Кувейт, Линге и Бахрейн, Бендер-Аббас и Маскат (оттуда, во второй половине сентября, выехал в Бомбей).

С инициативой направить в Персидский залив именно С. Н. Сыромятникова выступил министр финансов Сергей Юльевич Витте (1849–1915). В апреле 1900 г. в докладной записке на имя Государя Императора Николая II он указывал на необходимость в целях развития торговых сношений с Южной Персией, Месопотамией и Прибрежной Аравией установить прямую пароходную линию Одесса – порты Персидского залива. Для изучения данного вопроса на месте – командировать С. Н. Сыромятникова и штабс-капитана Павловского (1).

«Выехав из Багдада 20 июля 1900 г., – сообщал генеральный консул в Багдаде А. Круглов (19.10.1900), – С. Сыромятников пробыл около 3 дней в Бассоре. Собирал там сведения о торговле порта, местных купцах, кредите, таможенных пошлинах; интересовался стоимостью земли (на случай устройства пристани)», наличием угля в порту и ценами на него (2).

28 июля, как следует из донесения А. Круглова, С. Сыромятников отправился в Кувейт, «водным путем, отказавшись по совету бассорского *валия* от путешествия по пустыне, которое представлялось небезопасным вследствие тревожного состояния племен». По прибытии в Кувейт (31 июля) шейха Мубарака в городе не застал – он «находился в пустыне». Встретил русского путешественника шейх Джабир, старший сын эмира. В течение тех семи дней, что С. Сыромятников провел в Кувейте (31.07.–6/7.08.1900), он «несколько раз, и подолгу оставался с шейхом Мубараком», специально вернувшись в Кувейт для встречи с ним. «Поручив сбор торговых сведений своим людям, – отмечал А. Круглов, – сам С. Сыромятников большую часть времени посвятил беседам (через переводчика) с шейхом Мубараком» и его сыном, шейхом Джабиром, «в видах выяснения политического статуса» Кувейта и положения дел в этом аравийском уделе. Заявил, что прибыл в Персидский залив «не как частное лицо, а по воле и приказу Императорского правительства, с поручением посетить и исследовать наиглавнейшие порты этих вод». Тем самым, писал А. Круглов, г-н Сыромятников «придавал своим действиям и разговорам официальный характер». И поэтому как кувейтцы, так и сам шейх Мубарак смотрели уже на него не как на путешественника, а как на официального представителя Российской империи. Такие заявления, замечает консул, «всегда сильно импонируют» аравийским шейхам.

Проинформировав шейха Мубарака о том, что «русское правительство осталось довольно тем любезным приемом, что оказали в Кувейте канонерской лодке “Гиляк”, командир которой представил об этом рапорт», С. Сыромятников сказал, что и сам он также «доложит правительству» об аналогичных впечатлениях от пребывания в Кувейте. Приложит к своему отчету фотографии, которые намерен снять, запечатлев на них шейха, его детей и город (в АВПРИ не обнаружены). И, «если нужно, готов сообщить правительству обо всех желаниях и просьбах шейха».

Во время встреч и бесед с шейхом Мубараком, С. Сыромятников, со слов русского консула, «употребил все усилия», чтобы выяснить, как шейх Мубарак относится к «англичанам, туркам и другим нациям». Неоднократно «заводил речь о сношениях шейха Мубарака с англичанами», о заключенном им, как говорят, договоре с ними, а также об отношениях Кувейта с турками. Но как ни старался С. Сыромятников разузнать, хоть что-то, о договоре англичан с Кувейтом, «хитрый шейх» от разговора о связях с Англией уходил. Говорил в основном о взаимоотношениях с турками. Заявлял, что вот с ними никакого договора не подписывал. «Расказывал о несправедливостях, чинимых ими в крае», о желании Порты ослабить Кувейт и прибрать его к рукам. Вообще, отзывался о турках «очень пренебрежительно, не ставя их силу ни во что, и порицая их правление» (3).

При обсуждении «самого большого» для правителя Кувейта вопроса – о Багдадской железной дороге и о планах по ее прокладке к Кувейтской бухте, С. Сыромятников поинтересовался у него насчет того, какого «образа действий тот будет держаться». Шейх Мубарак высказывался в том плане, что в чем-чем, но «в этом деле он туркам ни за что не уступит». Подчеркивал, что строительства железной дороги «в своих владениях не допустит», даже если ему и его детям придется пасть в борьбе за это с османами и «стоящими за ними немцами» (4).

В беседах с шейхом Мубараком, докладывал А. Круглов, С. Сыромятников советовал правителю Кувейта «войти в более тесные сношения с русским правительством». Проводил мысль о том, что император российский «в приобретении земель, вроде кувейтских, нисколько не нуждается»; что землями Россия и так богата; что намерения России в этом крае состоят в продвижении ее торговых интересов. И потому установление Кувейтом более тесных отношений с Россией никаких опасностей и бед в себе для шейха Мубарака не таит (5). Предлагал свое посредничество в данном вопросе. Советовал шейху написать соответствующего содержания письмо, которое он по возвращении в Санкт-Петербург передал бы русскому правительству (6).

Сделать это, согласно тексту депеши А. Круглова, шейх Мубарак согласился, «но обещания своего так и не исполнил». На что С. Сыромятников, будучи раздраженным «увертками шейха», заметил, что «для России силы такого араба, как Мубарак, представляются нулем». И если бы Россия, действительно, «помышляла» о Кувейте и хотела бы завладеть им, то «и двух русских кораблей» для этого было бы достаточно (7).

Шейх Мубарак, «опытный дипломат аравийской пустыни», как отзывался о нем А. Круглов, «с малолетства искушенный в переговорах и интригах с турецкими чиновниками», тут же постарался устранить появившийся в их разговоре ненужный ему негатив. В настоящее время обращение с таким письмом к русскому правительству, сказал он, «лишь ухудшило бы» его и без того непростые отношения и с турками, и с англичанами, «не изменив, в сущности, положения дел». Выдержав паузу, добавил: «Русские слишком далеко. Когда я своими глазами увижу русскую железную дорогу в Бендер-Аббасе, о которой так много говорят в последнее время, и русские суда в Персидском заливе, тогда, может быть, изменится и образ моих мыслей» (8).

«Трудно знать наверняка», резюмирует консул, хотел ли шейх Мубарак в беседе с русским гостем «осведомиться о возможности русского покровительства, или же, что вероятнее, имел в виду убедиться в основательности пущенных англичанами слухов о намерении России захватить порт в Персидском заливе». Как бы то ни было, но «мысль о России, судя по всему, глубоко засела в уме шейха Мубарака». Правитель он «мудрый и осторожный»; владения его

– «более самостоятельны, чем заявляют турки»; и о «самостоятельности своей он печется и отстаивает ее, как может». Думается, что шейх Мубарак мог бы пойти на союз с Россией, но только будучи абсолютно уверенным в том, что русские, когда потребуется, точно придут на ему помощь, и защитят Кувейт от поплзновений, кого бы то ни было, на его независимость и свободу. Осторожность же шейха Мубарака, делится своим мнением А. Круглов, в выражениях и поступках, объясняется, видимо, тем, что этого «яркого дипломата аравийской пустыни» жизнь научила держать язык за зубами, действовать обдуманно, тщательно взвешивая все «за» и «против».

Докладывая о встречах и беседах с правителем Кувейта, «человеком прозорливым и хватким», С. Сыромятников отмечал, что шейха Мубарака заинтересовал рассматривавшийся тогда правительством России проект об организации пароходного сообщения из Одессы в Басру. Более того, он предложил использовать Кувейт в качестве одного из перевалочных пунктов для русских товаров, планируемых к поставкам в Персидский залив парходами по этой линии. По мнению С. Сыромятникова, к такому предложению следовало бы отнестись серьезно, так как и Кувейт, и традиционно связанные с ним рынки Неджда и Джабаль Шаммара могли бы обеспечить устойчивый сбыт в Центральную Аравию русских тканей, сахара и керосина (9).

С. Сыромятников, говорится в донесении А. Круглова, смотрит на Кувейт, «как на один из ... рынков в Прибрежной Аравии, где наши товары тоже могли бы найти сбыт, особенно керосин, сахар, сукна и ситцы». Нужно иметь в виду, писал А. Круглов, что именно из Кувейта все эти товары проникают в Центральную и Северо-Восточную Аравию, до Эр-Рияда и Хаиля. «Завозят их туда караванами, по три-четыре тысячи верблюдов каждый», до 20 раз в год (10). Поэтому Кувейт, как вполне обоснованно считает С. Сыромятников, действительно, мог бы стать неким «коммерческим плацдармом для российского купечества» на Аравийском полуострове и «каналом для проникновения русских товаров» на рынки Центральной Аравии.

Выехав из Кувейта в ночь с 6 на 7 августа, С. Сыромятников вернулся в Басру, а оттуда отправился к шейху Хаз'алу, правителю Мохаммеры, где, по словам А. Круглова, С. Сыромятникова уже несколько дней ожидал Пальнберг, его помощник. «Шейх Хаз'ал принял их радушно. Показал свои владения. Подарил Пальнбергу лошадь» – в знак признательности «за те два чертежа, которые тот сделал ввиду желаня шейха построить дом».

Хотя в беседах с русским путешественниками шейх Хаз'ал и «порицал англичан», сообщал А. Круглов, но, насколько ему известно, английского вице-консула в Мохаммере о содержании своих «бесед с руссами» он информировал тотчас же и сполна (11).

«Господину Сыромятникову, – докладывал в Париж французский вице-консул в Маскате г-н Оттави, – имевшему поручение своего правительства подготовить обстоятельную докладную записку по вопросу об учреждении морской торговой навигации по маршруту Одесса – Басра, всюду был оказан теплый и радужный прием». Одна из «тайных струн» г-на Сыромятникова, замечает французский дипломат, – присущее русским обостренное чувство чести и достоинства, желание драться и побеждать. Г-н Сыромятников – «горячий сторонник развития русской торговли в Персидском заливе» (12).

Именитые купцы и промышленники юга России, финансировавшие, наряду с правительством, поездку в Персидский залив С. Сыромятникова, практически сразу же по его возвращении снарядили в Персидский залив первую торговую экспедицию. Однако эпидемия холеры, вспыхнувшая в Прибрежной Аравии, и связанные с ней жесткие санитарные ограничения на вход судов в Персидский залив, вынудили их изменить маршрут экспедиции и направить ее в порты Красного моря (13).

Вернувшись из служебной командировки «на берега Персидского залива» С. Н. Сыромятников, как следует из документов АВПРИ, представил С. Ю. Витте докладную записку «О рынках бассейна Персидского залива и наиболее ходких на них товарах». Согласно выводам,

содержавшимся в ней, Южная Персия, Аравия и Месопотамия представляли собой «неплохой потенциальный рынок для русского сахара» (там в то время, подчеркивал он, продавался «в основном французский сахар, низкого качества»), а также для «шерстяных и хлопковых изделий».

В целях «активизации русской коммерции» на Аравийском полуострове, в Месопотамии и в зоне Персидского залива в целом С. Сыромятников предлагал: установить с портами Персидского залива регулярное морское сообщение; основать коммерческий банк в Персии; создать угольные склады для российских торговых судов в Бендер-Бушире и Басре. Находил целесообразным делегировать для работы в ключевых торговых центрах этого района русских торговых агентов. Для содействия русской торговле и упрочения политических позиций Российской империи в крае считал обоснованным «учреждение сети консульских агентств» в бассейне Персидского залива. Высказывался за рассмотрение вопроса о пребывании в водах Персидского залива (на постоянной основе) корабля Военно-морского флота России.

Свои заметки о Персидском заливе Сергей Николаевич Сыромятников изложил впоследствии в двух опубликованных им работах: «Мировое значение Персидского залива и Куэйта» (СПб, 1901) и «Очерки Персидского залива» (СПб, 1907).

Важную роль в разработке новой политики Российской империи в зоне Персидского залива, на персидском ее направлении, сыграл Петр Александрович Риттих (1872–1936), востоковед, подпоручик лейб-гвардии Егерского полка.

«Занимаясь в течение трех лет изучением сопредельной с нами страны, Персии, – отмечал П. А. Риттих в обращении на имя графа Дмитрия Алексеевича Капниста (30.05.1896), директора Азиатского департамента МИД России, – я взял на себя труд составить “Политико-статистический обзор Персии”». Он должен выйти в свет не позднее 15 июня 1896 года. С учетом сказанного и «ввиду отправления чрезвычайного посольства для принесения шаху Музаффарэд-Дину поздравлений со вступлением на престол, хотел бы проверить свои заключения, и просил бы не отказать мне в обращении быть зачисленным в число офицеров, ... командиремых в Персию с этой целью».

Просьбу подпоручика П. А. Риттиха поддержали, к слову, Ученый комитет и Азиатский отдел Главного штаба российской армии, и профессор антропологии Э. Ю. Петри.

Для российских министерств и ведомств, когда они приступили к реализации «новой политики» России в зоне Персидского залива, «политики дела», труд русского офицера-востоковеда П. А. Риттиха представлял несомненный интерес. В нем содержались главы о «населении этой страны, религии, минеральных богатствах, банках, путях сообщения, торговле, вооруженных силах, главных городах и портах, податях и сношениях с Россией» (14).

В рамках совместных мероприятий министерств иностранных дел, финансов и торговли по разработке плана коммерческой деятельности России в Персидском заливе весомый вклад в изучение рынков Южной Персии и вопроса о путях доставки туда русских товаров внес Анатолий Аркадьевич Репман.

В обращении Отдела торгового мореплавания Министерства финансов к нашему консулу в Бендер-Бушире содержалась просьба оказать доверенному «Товарищества Ярославской Большой Мануфактуры», г-ну Репману, возможное содействие «по его торговым делам». Главная цель командировки А. Репмана состояла в том, чтобы «лично ознакомиться с коммерческими районами Южной Персии, а равно и с ведущими к ним со стороны Персидского залива торговыми путями».

Выводы и соображения по результатам своей командировки А. Репман изложил в подготовленной им записке. Из нее видно, что он обстоятельно изучил два пути доставки на рынки Южной Персии русских товаров, «прибывающих в Персидский залив морем», а именно: Бушир – Шираз – Исфахан; Мохаммера – Ахваз – Исфахан.

Сообщение из Мохаммеры до Ахваза, говорится в записке А. Репмана, обеспечивал в то время пароход «Маламир», принадлежавший компании «Братьев Линч». Ежемесячно выполнял два рейса. Путь от Мохаммеры до Ахваза преодолевал за два дня (15).

Проработку вопросов, связанных с эпидемиологической ситуацией в бассейне Персидского залива вообще и на юге Персии в частности, правительство России поручило, как можно понять из документов АВПРИ, сотрудникам Тифлисского военного госпиталя.

Дважды в этих целях (летом 1901 г. и весной 1902 г.) командировался в Бушир от «противотифной комиссии» старший ординатор этого госпиталя, коллежский советник Шаневский (16).

В 1899–1901 гг. в Южной Персии для сбора сведений о торговле побывал профессор Виноградов, составивший перечень наиболее востребованных там товаров (17).

В июне 1901 г. в южные порты Персии был направлен капитан Генерального штаба Серебрянников, чтобы оценить ситуацию на юге Персии в свете складывавшихся тогда в зоне Персидского залива непростых англо-французских отношений. Главная цель его миссии состояла в том, чтобы «выявить перспективы военного сценария развития событий» в «проблемных» иранских провинциях и портах, которые контролировали в то время англичане.

Работая под прикрытием, с документами члена Географического общества он должен был проследовать по пути Решт-Тегеран-Кум-Шустер-Бушир-Чахбар (18). Однако «надобность в достоверной информации именно об арабских землях» в Прибрежной Аравии, а также в уточнении военного потенциала турок в Месопотамии, двух важных территориальных направлений в деятельности России в рамках ее «новой политики» в этом районе мира, как свидетельствуют документы АВПРИ, внесла в его маршрут изменения. Капитан Серебрянников выехал из России через Буруджир в Керманшах. Оттуда проследовал до Пушти-Куха. Затем посетил Багдад, Басру и Мохаммеру. Возвращался в Россию через Бомбей, где русский генеральный консул предоставил ему «важные сведения» о планах и намерениях англичан по недопущению в бассейн Персидского залива соперников Британской империи в лице Франции и России (19).

Непосредственное участие в разработке «политики дела» принимали российские дипломаты, иницировавшие, можно сказать, деятельность в Персидском заливе российских купцов и предпринимателей, а также акции военной дипломатии, проводившиеся кораблями Военно-морского флота Российской империи.

Помимо конкретных соображений и предложений на этот счет, дипломаты подготовили историко-этнографические записки о землях и городах этого края, обычаях и традициях его жителей. Для русских купцов и фабрикантов, равно как и для офицеров флота, они были и страноведческими справочниками, и некими сводами правил поведения в общении с персами, турками и аравийцами.

«Бендер-Аббас, – отмечал в заметках о портах Персидского залива первый русский консул в Багдаде Петр Егорович Панафидин (до него интересы России в Месопотамии представлял французский консул Поттон), посещавший этот порт в мае 1889 г. по пути к месту службы (через Одессу, Бомбей и Басру), – заметно отличается от прочих персидских городов. И прежде всего тем, что каждый дом в нем снабжен высокой башней с отверстиями со всех сторон для доступа ветра, усмиряющего жар в комнатах. Жители занимаются рыболовством; и вывоз сушеной рыбы из этого порта весьма значителен» (20).

Напротив Бендер-Аббаса «лежит необитаемый ныне остров Ормуз, на котором во времена господства в районе Персидского залива португальцев стоял город того же имени, славившийся богатством жителей. Развалины португальской крепости и цистерн для сбора дождевых вод и доселе хорошо сохранились». В наше время прибрежные жители добывают на этом острове соль (21).

Город Бендер-Бушир построен на выступающей в море косе. Дома, как и в Бендер-Аббасе, «снабжены башнями-вентиляторами». Английский политический резидент в Бушире, полковник Росс, занимающий этот пост в течение 16 лет, «считается лучшим знатоком Персидского побережья и вообще Южной Персии. Его мнение, как говорят, имеет большой вес в англо-индийских правительственных сферах». По слухам, «ни одно назначение персидских чиновников» в районе, входящем в сферу компетентности возглавляемой Россом резидентуры, «не обходится без его влияния».

Пользуясь канонеркой, находящейся в распоряжении резидентуры, полковник Росс «весьма часто предпринимает поездки по Заливу». В сезон ловли жемчуга непременно посещает Бахрейн, где «разбирает жалобы и претензии между местными жителями и арендаторами их судов»; нередко навещается в Джаск и Маскат (22).

Координаторами и проводниками российской «политики дела» в зоне Персидского залива выступили открытые в 1901 г. новые дипломатические посты в Басре и Бендер-Бушире. Решение об учреждении консульства в Басре Государственный совет Российской империи принял 16 января 1901 г. Приказом по Министерству иностранных дел от 19.03.1901 г. консулом туда был назначен Александр Алексеевич Адамов (1870–?). Штат консульства состоял из двух человек: консула и секретаря (23).

В инструкции, полученной от российского посла в Константинополе (31.08.1901) И. Зиновьева, первому русскому консулу в Басре предписывалось: внимательно наблюдать за ходом событий в Басрийском вилайете, «образующем юго-восточную окраину азиатских владений» султана Османской империи, где «сосредоточены многочисленные... и весьма существенные интересы Турции».

Указывалось на необходимость отслеживать действия Англии, которая, «обеспечив себе преобладающее положение в бассейне Персидского залива», стремилась, видимо, «еще больше расширить там область своего влияния». Англия, подчеркнул И. А. Зиновьев, пользовалась «всяким случаем, дабы вмешиваться в местные споры и размолвки», старалась «привлечь на свою сторону шейхов, ... стоявших в зависимости от Турции».

Особое внимание А. Адамову надлежало уделять тому, говорилось в инструкции, чтобы «способствовать расширению русской торговли в крае». Находясь «на большом водном пути, образуемом реками Тигром и Евфратом, – писал И. А. Зиновьев, – Бассорский порт служит одним из самых оживленных коммерческих рынков в этой части Азии. Торговля здесь ... до известной степени монополизирована Англией. Но в последние годы и другие державы, в том числе и Россия, стремятся открыть в бассейне Персидского залива рынки для сбыта своих произведений». Англичане, обеспокоенные активизировавшейся деятельностью России, «твердо решили сделать все, чтобы помешать успеху наших коммерческих предприятий. И обстоятельство это обязывает Вас оказывать представителям русских торговых фирм самое широкое содействие».

«В сношениях Ваших с агентами английского правительства, – отмечалось в инструкции, – ... в случае их запросов относительно наших видов в Персидском заливе, Вы имеете разъяснить им, что ... развитие внутренней промышленности обязывает нас, также как и другие государства, заботиться о приискании новых рынков для сбыта товаров».

Находясь в Басре, в крупном центре коммерческой и политической жизни края, инструктировал И. Зиновьев консула А. Адамова, «Вам надлежит присматривать, в силу имеющихся у Вас возможностей, за положением дел в Кувейте, шейх которого просил “обратить на него внимание”». Нужно внимательно наблюдать и за тем, что происходит в других шейхствах Арабского побережья Персидского залива, а также в «лежащем при слиянии Каруна с Шатт-эль-Арабом подвластном Персии княжестве Мохаммера», одном из ведущих рынков региональной торговли (24).

В последнее время, указывал посол, правительство Российской империи «предприняло несколько действий ... с целью водворения русского влияния в Персидском заливе». Так, в 1900 г. «командиру мореходной канонерской лодки “Гиляк” предписано было обойти главные порты означенного залива с тем, чтобы показать побережным населением наш флаг и поколебать глубоко укоренившееся среди них убеждение, будто залив этот доступен для одних только английских военных судов. Должно надеяться, что и в будущем военные корабли наши будут ... показываться в Персидском заливе, дабы поддержать произведенное “Гиляком” впечатление». «Радужный прием, оказанный нашему военному судну как в Бассоре, так и в Кувейте, несмотря на ... происки английских агентов, дает право заключить, – замечает И. Зиновьев, что цель наша была до известной степени достигнута».

Затем, в начале 1901 г., продолжает посол, правительство «впервые послало в Персидский залив торговое судно, пароход “Корнилов”, на котором отправились представители нескольких выдающихся русских фирм с образцами наших произведений» (25).

Активизацию торговой деятельности в зоне Персидского залива, целесообразно было бы, по мнению И. А. Зиновьева, на что он обращал особое внимание А. Адамова, сочетать с исключительно осторожными шагами там России в политическом отношении, чтобы таким образом иметь возможность «смягчить раздражение» Англии.

При настоящем положении дел, «не имея прочной опоры в бассейне Персидского залива, – подчеркивал посол, – мы вынуждены воздерживаться от деятельного участия в политической жизни этого края. Наш главный интерес заключается в поддержании status quo, какой устраняет возможность неожиданных и крупных осложнений, которыми не преминула бы воспользоваться Англия для осуществления своих честолюбивых замыслов...» (26).

Подобные предостережения имели под собой реальные основания. Англичане, которые к тому времени прочно укрепились уже в Прибрежной Аравии, довольно ревниво оберегали шейхов сблизившихся с ними племен и правителей княжеств, вставших под их протекторат, от влияния на них других держав (27).

Консульство в Басре открылось 17 октября 1901 г. Действовало до 18 октября 1914 г. По просьбе Франции, США и Греции осуществляло защиту интересов французских (1907 г.) и американских (1912 г.) граждан, и греческих подданных (1914 г.).

В соответствии с телеграммой министра иностранных дел от 12.01.1912 г. российскому императорскому консулу в Басре, коллежскому советнику Сергею Владимировичу Тухолке, поручалось «временное охранение американских интересов в Бассоре вследствие смерти местного американского консульского агента». С просьбой об этом к С. В. Тухолке обращался американский консул в Багдаде, а к российскому послу в Константинополе – его американский коллега (декабрь 1911 г.).

Информируя МИД о данном обращении, С. В. Тухолка писал, что охрана американских интересов во вверенном уму консульском округе будет связана в основном с «американскими миссионерами», которые «могут быть полезны консульству» для получения нужных сведений. И потому «желательно было бы согласиться», и положительно отреагировать на просьбу американцев (28).

Российское консульство в Басре наблюдало за положением дел в Южной Месопотамии, Кувейте, Катаре, на Бахрейне, а также в Северной Аравии (в Неджде). Консулами, сменяя друг друга, были А. А. Адамов (1901–1905), К. В. Иванов (1906–1909), С. В. Тухолка (1910–1913), С. П. Олферьев (1913–1914).

До своего назначения в Басру А. Адамов уже бывал там, в 1897 г. «В Бассоре, – говорится в его отчете об этой командировке, – насчитывается до 50 тысяч жителей, большая часть коих – арабы. Есть несколько сот евреев; немного армян и небольшая греческая община... Европейская колония состоит из двух десятков человек, преимущественно англичан, ... представителей английских торговых домов “Хотц и сын”, “Грей Маккензи и Компания”» (29).

Месяцем раньше, чем в Басре, состоялось открытие еще одного «дипломатического наблюдательного поста Российской империи в Персидском заливе» – генерального консульства в Бендер-Бушире.

24 сентября 1901 г. титулярный советник Гавриил Владимирович Овсенко, телеграфировал: «Флаг поднят. Генеральное консульство открыто» (30).

В сферу наблюдения российского генерального консульства в Бендер-Бушире входили также шейхства Договорного Омана (нынешние ОАЭ), Маскат и острова Персидского залива. Генконсульство регулярно и обстоятельно информировало МИД (через миссию в Тегеране) о положении дел в княжествах Персидского залива, о политико-дипломатической и торговой деятельности там «других держав», в первую очередь Англии. Предоставляло оперативные сведения о «санитарном состоянии» района Персидского залива, а также о посещавших его научных и торговых экспедициях. Докладывало о результатах акций военной дипломатии кораблей Военно-морского флота России и Франции.

Штат Генерального консульства в Бендер-Бушире состоял из трех человек. Имелась охрана – 10 конных казаков. Генконсулами последовательно были: И. Ф. Похитонов (1901), Н. П. Пассек (1903–1912), Л. С. Кохановский (1913–1915), К. В. Иванов (1916), П. И. Лойко (1917–1918). В начальный период деятельности обязанности управляющего генеральным консульством выполнял Г. В. Овсенко (секретарь). Генеральное консульство в Бендер-Бушире закрылось в конце 1918 г.

Отмечая возросшее значение района Персидского залива в системе международных отношений на рубеже XIX–XX веков, МИД России акцентировал внимание дипломатических представительств на необходимость внесения конкретных предложений по дальнейшему упрочению там торговых позиций России и усилению ее имиджа как державы-друга проживавших в том районе народов (31).

Большой вклад в сбор информации, необходимой для разработки торгово-финансовых аспектов «политики дела» Российской империи в зоне Персидского залива внес коммерсант С. Я. Косых.

23 сентября 1901 г., сообщал русский генеральный консул в Багдаде (10.11.1901), сюда прибыл г-н Косых, побывавший ранее в Тегеране в качестве комиссионера и доверенного лица нескольких русских фабрик и торговых домов («Товарищества Кузнецова» и «Торгового дома Прохорова»).

В связи с учреждением русской морской линии Одесса – порты Персидского залива, писал консул, С. Я. Косых «поручено было, как доверителями из России, так, по-видимому, и Отделом торговли Министерства финансов, объехать юго-западную часть Персии и ознакомиться с рынками Исфахана, Шираза и Бушира». Затем посетить (проездом через Багдад) Керманшах и Тегеран. «Около 45 дней С. Я. Косых пробыл в Бассоре; и 7 ноября выбыл обратно в Тегеран».

Из поездки по Персии и Месопотамии «названное лицо вынесло убеждение, что наши торговые сношения со здешним краем не только возможны, но и будут, вероятно, выгодны в коммерческом отношении, лишь бы дело поставлено было основательно» (32).

И с этим, подчеркивал консул, нельзя не согласиться. Для налаживания динамичных торговых сношений с Южной Персией, Месопотамией и Прибрежной Аравией «настоятельной необходимостью является основание в крае русской торговой агентуры». На первое время – «в Бушире, Бассоре и Багдаде». Причем «посланы туда должны быть не теоретики, а хорошо знакомые с мелочами торговли практики, которые могли бы войти в коммерческие сделки с ... торговцами того или иного пункта», и досконально изучить «как потребности и цены, так и торговые обычаи и вкусы местных потребителей и рынков» (33).

В данном отношении, делится своими соображениями консул, «представителями наших мануфактуристов, прибывшими с первым рейсом “Корнилова” в Бушир, допущена была, как

кажется, крупная ошибка». Заключалась она в том, что доставленные ими товары они сдали на комиссию Торговому дому «Хотц», резидент которого, будучи иностранцем, едва ли заинтересован в даче русским купцам и предпринимателям «нужных указаний» по сбыту товаров.

Фактом является то, констатировал консул, что для русских фабрикантов вопрос о том, «как отнесутся местные потребители к новому на их рынке товару, русскому, так и остается неисследованным». Более того, «стоит только посмотреть на наш товар в конторе английского Торгового дома “Блекки и Хотц” в Багдаде, избранного агентом русских компаний, чтобы убедиться в том вреде, который наносят русской торговле уже в самом начале эти исконные недоброжелатели России».

О нерасторопности самого агента и говорить не приходится. «Товар прибыл с первым рейсом “Корнилова”, то есть семь-восемь месяцев тому назад, но до сих пор не был даже представлен местным торговцам». Хранение товара – безобразное. Местные купцы не захотят, вероятно, даже смотреть на русский мануфактурный товар, «смятый, перепачканный и сваленный в кучу в амбаре».

Конечно, ошибки и промахи неизбежны, особенно в начале каждого нового дела. Но вот «количество их могло бы значительно уменьшиться, если бы агентом был русский специалист-практик». Постепенно, без спешки, «без шума и гама», он воочию «ознакомился бы с ... новыми для России рынками, чтобы затем расширить операции соответственно объему этих рынков, как это делают или уже сделали немцы, основавшие здесь сначала небольшое отделение, а потом и целый торговый дом “Берк-Путман”, проворачивающий теперь хорошие дела» (34).

Может показаться, делится своими соображениям консул, что учреждение собственных торговых агентств обойдется недешево. Но это только на первый взгляд, ибо в пункте, подобном Басре, «одно и то же лицо могло бы совмещать несколько должностей»: представителя торгового дома и страховой компании, агента «Русского Общества Пароходства и Торговли» (РОПиТ) и банковского корреспондента (35).

Документы АВПРИ рассказывают, что во время пребывания в Багдаде (23 сентября–7 ноября 1901 г.) С. Я. Косых заключил первую торговую сделку на месопотамском рынке – «заполучил заказ для фабрик Кузнецова и Панфилова на 10 000 рублей фарфорового и стеклянного товара», с доставкой на русских пароходах прямого сообщения до Басры (36).

Еще одним разведчиком российского капитала в бассейне Персидского залива, как следует из документов АВПРИ, стал командированный туда, зимой 1901 г., «Киевским биржевым комитетом и русскими сахарозаводчиками киевский биржевой мак лер Сумневич». Цель его миссии состояла в ознакомлении с особенностями местных рынков с точки зрения ввоза на них русского сахара (37).

В Басру, к слову, г-н Сумневич прибыл «с двумя приказчиками лесоторговца Рабиновича», составившими по результатам командировки записку о торговле лесом на рынках Месопотамии (38).

Полезный материал для внешнеполитического, торгового, морского и военного ведомств Российской империи при разработке ими планов деятельности в зоне Персидского залива вообще и в Персии в частности собрал «Федор Алексеенко, помощник старшего ученого, хранителя Ботанического музея Императорской академии наук». Проследовав через Энзели, Казвин, Саве в Исфахан, «проехав страну бахтияров», побывав в Бехбехане и Бушире, он, согласно донесению российского генерального консула в Бушире (13.10.1902), представил информативный отчет о своем путешествии, содержащий обширные сведения о дорогах Персии, располагавшихся вдоль них рынках и военно-сторожевых постах» (39).

Примечания

Дмитрий Алексеевич Капнист (1837–1904, Ялта) – русский дипломат, граф (с 15.01.1876), камергер, тайный советник (с 1885 г.), сенатор, уроженец Полтавской губернии. В 1863 г. был зачислен в штат МИД; до этого состоял в Министерстве внутренних дел. Служил в российских миссиях в Лондоне, Париже и Константинополе. С 1891 по 1896 гг. являлся директором Азиатского департамента МИД.

Сергей Петрович Олферьев (1875–1942) – русский дипломат-иранист, ученый-этнограф и путешественник, дворянин, уроженец Пензы. В 1898 г., по окончании Лазаревского института восточных языков, на пособие от Императорского православного палестинского общества совершил поездку в Сирию и Палестину. В течение года слушал лекции в Лозаннском университете (Швейцария). Побывал в Италии и во Франции.

Затем был принят на обучение в Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте МИД (арабский язык совершенствовал у известного среди дипломатов-арабистов преподавателя, сирийца Иринья Нофаля). Завершив двухгодичное обучение, поступил на службу в Азиатский департамент МИД. 14 января 1904 г. был направлен в российскую миссию в Тегеран. После Тегерана служил в Реште и Энзели. В 1908 г. был переведен вице-консулом в Ардебиль и Астару; а в 1910 г. назначен вице-консулом в Турецкую Армению; затем занимал должность генерального консула в г. Маку. В 1917 г. Временное правительство вызвало Сергея Петровича Олферьева в Петроград и назначило генеральным консулом в Северной Персии.

В 1918 г. возвратился в Россию; отошел от дипломатической деятельности. Проживал поначалу в родной Пензе. Служил в Госконтроле, Губсовнархозе и других советских организациях. В 1924 г. переехал в Москву. В 1929 г. был репрессирован и сослан в Архангельск, вместе с женой. После пересмотра дела и реабилитации возвратился в Москву. По совету своего старого знакомого, академика И. А. Орбели, перебрался в Ленинград, где работал в Научной библиотеке ЛГУ, а потом – в Публичной библиотеке.

Скончался в блокадном Ленинграде, 10 февраля 1942 г., в возрасте 67 лет, от голода и дистрофии; был похоронен на Охтинском кладбище (40).

Иван Федорович Похитонов (1853–1913) – русский дипломат, действительный статский советник (генерал-майор), крупнейший специалист по проблемам Ближнего и Среднего Востока, уроженец Херсонской губернии. Мать, крестьянка Фекла Малая, вышла замуж за унтер-офицера Мартына Маркатного и оставила сына на попечение деда.

Как сирота воспитывался в Южнославянском пансионе в Николаеве для юношей южнославянских народов, который финансировался Азиатским департаментом МИД Российской империи. По ходатайству директора этого пансиона получил разрешение на поступление для дальнейшего обучения в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. В это элитное учебное заведение, готовившее дипломатов для службы в восточных странах, ежегодно принимали, к слову, не более 6 человек. После его окончания И. Похитонova направили стажером в русскую миссию в Тегеране.

За годы работы в МИД прошел все ступени консульской службы: от драгомана до генерального консула. В 1883 г., состоя в штате Азиатского департамента МИД, был командирован в Астрахань для встречи и сопровождения персидского принца, прибывшего в Россию на торжества, связанные с коронацией нового российского императора.

Занимал должности вице-консула в Варне, консула в Тавризе, генерального консула в Реште и генерального консула в Тегеране (с 20 сентября 1910 г.).

Скончался 13 августа 1913 г.(41)

Николай Карлович Гирс (1820–1895) – российский дипломат, уроженец Волынской губернии, представитель шведского дворянского рода, состоявшего на русской службе с сере-

дины XVIII в., министр иностранных дел (1882–1895), действительный тайный советник, почетный член Петербургской Академии наук (с 1876 г.).

После окончания Царскосельского лицея был зачислен в Азиатский департамент МИД (1838). Служил первым секретарем российской миссии в Константинополе (1850), управляющим консульством в Молдавии (1851), директором канцелярии полномочного комиссара в Молдавии и Валахии (1853), генеральным консулом в Египте (с 1856 г.) и генеральным консулом в Валахии и Молдавии (с 1858 г.). Затем занимал должности чрезвычайного посланника в Тегеране (с 1863 г.), Берне (с 1867 г.) и Стокгольме (с 1872 г.).

В 1875 г. стал управляющим Азиатским департаментом МИД и товарищем министра, князя А. М. Горчакова. В 1882 г. был назначен министром иностранных дел и членом Государственного совета.

Скончался 14 января 1895 г. в Санкт-Петербурге. На панихиде, отслуженной в его квартире 15 января, присутствовали император Николай II и еще несколько членов Дома Романовых. Был захоронен в фамильном склепе в Сергиевой пустыни (42).

Николай Помпеевич Пассек (1850–1914) – российский дипломат, граф, действительный статский советник, представитель дворянского рода из Богемии, переселившегося в Литву, а оттуда в Смоленскую губернию. Начальное образование получил в Англии. После окончания юридического факультета Московского университета служил судьей в Харькове. В 1876 г. поступил в МИД, был зачислен в Азиатский департамент. Затем оставил МИД и работал в частных компаниях, потом вернулся в МИД.

Занимал должности генерального консула в Австралии (1899–1902) и в Бендер-Бушире, где проработал 10 лет (1902–1912). Составил самую подробную на то время карту Персии, с указанием путей сообщения, телеграфных станций и почтовых отделений, городов, морских портов и численности населения в них, за что получил от шаха награду и был избран членом Персидской Академии наук. Автор целого ряда интересных статей, опубликованных в «Сборнике консульских донесений».

Н. П. Пассек всячески содействовал русской торговле в Персии и в Прибрежной Аравии, и где только мог, ставил англичанам палки в колеса. Подпортил, к слову, политико-дипломатический вояж в персидские порты лорда Керзона, вице-короля Индии, убедив генерал-губернатора Бендер-Бушира, что тот по рангу – выше английского лорда, и потому не должен ехать первым с приветствием на пришедшее в его порт иностранное судно с вице-королем Индии на борту, как того добивались англичане. Лорд Керзон, «взбешенный поступком перса», покинул Бушир, не ступив на берег. Во время пребывания Н. П. Пассека на посту генерального консула в Бушире, говорится в статье «Русские консулы и русская торговля в Персии», опубликованной «Новым временем» (30.11.1906), «в Персидском заливе было широко известно имя лорда Керзона». Так вот, «бороться с ним и с его влиянием в крае г-н Пассек поставил себе первой задачей. Для этой цели заказал даже специальные визитные карточки: «Российский Императорский консул Персидского залива»; и непременно вручал их англичанам, с которыми встречался (43).

После Персии, в декабре 1912 г., был направлен генеральным консулом в Монреаль (Канада). Перед отъездом в очередной раз «насолил бриттам», настроив бельгийца Ваффлара, начальника персидских таможен, «на сдерживание распоясывавшихся не в меру англичан с помощью таможенных пошлин». В июле 1913 г. получил назначение на должность генерального консула в Барселоне, но выехать туда не успел – скончался в Монреале. Отпевание русского генерального консула (20.02.1914), похороненного на кладбище Мон Руаяль, совершил священник русской православной церкви Владимир Сакович с иеромонахом Агапием.

Жена Н. П. Пассека, Елизавета Петровна Кузнецова, – дочь одного из крупнейших золотопромышленников России, красноярского купца первой гильдии и главы Красноярска (1853–1865) Петра Кузнецов, оплатившего, кстати, обучение своего земляка, Василия Ивановича

Сурикова, в Санкт-Петербургской Академии художеств. Сам Н. П. Пассек и его жена были дружны с В. И. Суриковым, который написал портрет Н. П. Пассека.

Лукьян Кохановский (Л. С. Кохановский) – русский дипломат-востоковед, выпускник Лазаревского института (1867–1871). Служил драгоманом генерального консульства в Тавризе (Тебризе), консулом в Астрабаде и Бендер-Бушире (1913–1915).

Петр Иванович Лойко (1879–1938) – русский дипломат, выпускник Лазаревского института, служил в Персии и Турции, занимал пост консула в Бендер-Бушире (1917–1918). Умер в эмиграции, во Франции.

Петр Александрович Риттих (1872–1936) – российский офицер-востоковед, полковник царской армии, представитель дворянского рода Лифляндии.

Участвовал в экспедиции в Персию и Белуджистан; являлся секретарем Среднеазиатского отдела Императорского общества востоковедения (с 1905 г.) и редактором (с 1909 г.) издававшегося этим Обществом «Сборника».

После революции, в 1920-х годах, работал в Главной Аэрологической обсерватории Академии наук; действительный член Государственного географического общества; член Международной облачной комиссии; автор около 150 научных работ по географии и аэрологии. В 1928 г. был уволен из обсерватории по болезни, с персональной пенсией «за научные и революционные заслуги». В марте 1935 г. – выслан с женой из Ленинграда в Казань, сроком на 5 лет, и лишен пенсии. Попал в психиатрическую больницу, где и скончался (44).

Константин Васильевич Иванов – русский дипломат, коллежский советник, консул в Басре (1906–1909). Перед выездом к месту службы получил проездную грамоту, датированную 21 октября 1906 г., выданную товарищем министра иностранных дел. В ней говорится, что «грамотой Николая II, Императора и Самодержца Всероссийского, ... объявляется через сие всем и каждому о том, что ... показатель сего, российский консул в Бассоре надворный советник Константин Васильевич Иванов отправляется отсюда [из Санкт-Петербурга] за границу, к месту служения, курьером с депешами. Его сопровождает супруга Зиновия Евстафьевна и пасынок Георгий. ... Повелеваем надворного советника Иванова с женой и пасынком не только свободно и без задержания везде пропускать, но всякое благоволение и вспоможение ему оказывать».

В январе 1909 г. коллежский советник Иванов «был пожалован Его Величеством Султаном орденом Меджидие 3-ей степени», а 29 марта 1909 г. извещен Департаментом личного состава и хозяйственных дел МИД о награждении его орденом Святого Станислава 2-й степени (45).

Михаил Николаевич Гирс (1856–1932) – русский дипломат, представитель старинного дворянского рода, сын Николая Карловича Гирса, министра иностранных дел Российской империи, тайный советник; паж (с 1871 г.), камергер (с 1891 г.), гофмейстер (с 1905 г.) Высочайшего Двора.

Родился в Одессе. После окончания «курса наук в частной гимназии Бычкова» продолжил обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (уволился с третьего курса, в 1877 г.). 28 июня 1877 г. поступил на службу рядовым лейб-гвардии Уланского полка; участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (в 1878 г. был произведен в корнеты).

Из Формулярного списка о службе следует, что 15.11.1878 г. он был «уволен со службы по домашним делам». 25.11.1878 г. обратился с прошением к императору Александру Николаевичу «продолжить службу по ведомству иностранных дел». 01.12.1878 г. определен на службу в Азиатский департамент МИД. 13.01.1879 г. направлен вице-консулом в г. Зара (Югославия); 01.07.1880 г. переведен на должность секретаря миссии в Белграде (с 29.12.1882 по 29.01.1883 гг. выполнял обязанности поверенного в делах); 07.05.1883 г. назначен 2-м секретарем посольства в Константинополе. С 07.07.1884 по 05.05.1887 г. – 1-ый секретарь миссии

в Тегеране (в 1886 г. в Тегеране умерла его жена, Ольга Константиновна). С февраля 1888 г. служил чиновником по особым поручениям V класса при министре иностранных дел.

С 1895 по 1898 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр при правительстве Бразилии и Аргентинской Республики. В 1898–1901 гг. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пекине (22.12.1900 г. был пожалован орденом Святой Анны 1-ой степени «за отличия при обороне зданий Императорской миссии в Пекине от нападений китайцев»). В последующие годы служил посланником в Румынии (1902–1912); чрезвычайным и полномочным послом в Константинополе (1912–1914) и в Италии (1915–1917; являлся старейшиной дипломатического корпуса в Риме).

После Октябрьского переворота находился в эмиграции, в Париже. Возглавлял Совет бывших послов; входил в состав Русского политического совещания; являлся представителем генерала Петра Николаевича Врангеля при командовании союзников.

Вторым браком (28.01.1897) женат на разведенной жене действительного статского советника барона Таубе, баронессе Марии Николаевне Таубе.

Скончался и был похоронен в Париже (46).

Часть III

Торговая деятельность Российской империи в бассейне Персидского залива

«Купечеством всякое царство богатится, а без купечества и даже малое государство быть не может».

Оценивая роль и место портов Персидского залива в торговле края, титулярный советник Александр Алексеевич Адамов, посетивший их в 1897 г. со специальной миссией русского правительства, отмечал, что «главнейшим из них» являлся в то время Бендер-Бушир, «связанный караванными путями с такими крупными торговыми центрами Южной Персии, как Шираз и Исфахан». В 1895 г. «суммарный ввоз в Бушир», как следует из отчета А. Адамова, составил 1 016 917 фунтов стерлингов (1).

«Вторым по значению», в торговом отношении, портом Персидского побережья А. Адамов называл Бендер-Аббас, а «следующим за ним» – Линге (2).

Что касается портов Аравийского побережья зоны Персидского залива, то ключевыми из них А. Адамов считал Маскат, Кувейт и Бахрейн.

Морскую торговлю в районе Персидского залива, информировал внешнеполитическое ведомство России управляющий генеральным консульством в Бушире Г. В. Овсеенко, поддерживали следующие порты: Басра, Мохаммера, Кувейт, Манама, Бендер-Бушир, Бендер-Аббас, Линге, Маскат и приморские города-порты Оманского побережья, из которых «наиважнейшие» – это Шарджа, Ра'с-эль-Хайма, Абу-Даби и Дубай. Все они, докладывал Г. В. Овсеенко, «находились между собой в постоянных торговых сношениях». Маскат «обслуживал рынки восточной части Омана»; Манама – «группу Бахрейнских островов, соседний с ними Катар и береговую полосу Эль-Хаса», которую контролировали турки; Кувейт – Внутреннюю Аравию и частично Ирак Арабский. Роль Кувейта, как «крупного самостоятельного торгового центра», по мнению Г. В. Овсеенко, «уже в недалеком будущем» должна была «определенно усилиться» (3). О торговле в крае в целом Г. Овсеенко говорил, что почти всю ее в то время «забрали в свои руки англо-индийский коммерсанты» (4).

Суммарный ввоз в порты Персидского залива за 1894 г. А. Адамов оценивал в 2 907 869 фунтов стерлингов, из «коих на долю Великобритании и Индии приходилось 2 168 349 фунтов стерлингов». Суммарный вывоз, по его подсчетам, составлял 2 131 187 фунтов стерлингов, в том числе в Индию и Англию – 942 267 фунтов стерлингов. «На основании вышеприведенных цифр, – резюмировал А. Адамов, – неоспоримым является тот факт, что весь почти ввоз через порты Персидского залива – в руках англичан» (5).

Что касается торговли в Ираке Арабском, сообщал А. Адамов, то «85 % багдадской торговли» приходилось на Англию с Индией. Практически все финансовые операции и оптовые торговые сделки в Южной Месопотамии находились, по его словам, «в прямой или косвенной зависимости от английского кармана» (6); «90 % багдадского ввоза» контролировали «торговцы-евреи»; а вывоз являлся «привилегией английских торговых домов» (7).

Рассказывая о ввозе в Басру, А. Адамов, писал, что при посредничестве английских negociантов «сахар (головками) поступал туда из Франции. Стекло и фаянс шли из Германии, Австрии и Голландии. Оконное стекло завозилось из Бельгии; спички – из Англии, Швеции и Японии; хлопчатобумажные изделия – из Англии». А вот керосин был «русского происхождения». Впервые его поставил в Басру, в 1888 г., Тифлисский торговый дом Манташева.

Согласно данным, собранным А. Адамовым, ввоз русского керосина в Месопотамию с 1890 по 1895 гг. «выразился в нижеследующем количестве двухпудовых ящиков: 1890 г. – 22 000; 1891 г. – 30 000; 1892 г. – 57 000; 1893 г. – 39 000; 1894 г. – 99 793; 1895 г. – 45 512» (8).

К 1910 г. доля англо-индийских коммерсантов в товарообороте стран бассейна Персидского залива (в сделках по ввозу и вывозу) составляла не менее 83 %. На багдадском рынке англичане удерживали за собой 55,7 % ввоза и 35,3 % – вывоза (9).

Касаясь в отчете вопроса о торговом судоходстве, А. Адамов обращал внимание на то, что и в 1897 г. в устье Шатт-эль-Араба все еще «водилось немалое число арабов-пиратов», которые «при всяком удобном случае» нападали на «парусные суда индийской, персидской и других наций», шедших с товарами в Мохаммеру и Басру (10).

Становление морского торгового сообщения между Российской империей и портами Персидского залива

Одной из причин, «основательно стопоривших русскую торговлю» в бассейне Персидского залива, российские дипломаты называли «выпадение всего этого района» из сферы деятельности российского морского торгового флота.

«Отсутствие русского коммерческого флота на Персидском заливе, – говорится в известном уже читателю отчете А. Адамова, – лишает Россию всякой возможности успешно конкурировать там с Европой». Европейские товары, завозимые туда морем, «обильно растекаются» через порты Персидского залива по всей Персии, Месопотамии и Аравии (11).

Соображения российских дипломатов и соответствующие рекомендации МИД по данному вопросу были услышаны. Установленная правительством торгово-пассажирская линия Одесса – порты Персидского залива стала важным инструментом Российской империи по реализации коммерческих планов в бассейне Персидского залива, Аравии и Месопотамии. Линия эта, как явствует из документов АВПРИ, успешно функционировала 14 лет (1901–1914), несмотря на «козни *бриттов*» и непростую политическую обстановку в крае. «Появление торгового флага России в водах Персидского залива», отмечали в своих донесениях французские дипломаты, можно было приветствовать уже только потому, что «русские подорвали дьявольскую монополию англичан на морские перевозки в бассейне Персидского залива». Суммарный тоннаж грузов, доставленных в 1990 г. в Персидский залив пароходами, составил 400 000 тонн; и только пять судов пришло не под британским флагом: 1 австрийский и 4 турецких. Неудивительно поэтому, докладывал французский консул в Бомбее, г-н Восьон, что «рождение линии Одесса – порты Персидского залива вызвало такой переполох в стане британцев» (12).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.